Год в сапогах.

Предисловие
Май
Самара. Кряж, в/ч 65 349
КМБ
Июнь
Присяга
Распределение по ротам
Июнь
Казань. Охрана аэропорта
Июнь
Оренбург. Такелажники
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Самара.
Ноябрь
Таджикистан
Самара-Душанбе-Куляб
Куляб
Ноябрь
Декабрь
НГ
Январь
Февраль
Март
Апрель
Отправка в Россию.
Куляб-Душанбе-Самара-Чапаевск
Чапаевск
Май
Дембель
Послесловие.

Спасибо маме, Ксюше Т. и Жене Г.
Благодаря вам дорога
сквозь Зазеркалье вывела меня к дому.
Юра.

До армии.

Окончив университет в 21 год, в армию мне совершенно не хотелось. В общем-то, проблема армии меня могла бы вообще не беспокоить, если бы я попал на военную кафедру, которая в Перми сохранилась в единственном виде в моем университете. Тогда всё мое знакомство с ней ограничилось бы субботними походами на нудные лекции, и месяцем сборов в Москве, напоминающих лагерь отдыха для трудных подростков. Однако попасть на нее было не так-то просто из-за предъявляемых требований к кандидатам и ограниченному количеству мест. Не знаю, одному ли мне так повезло или были другие счастливчики, но врачи, посмотрев на мое плоскостопие, заявили, что для офицерской службы я не годен, а вот для службы в армии солдатом - вполне. На мой логичный вопрос – "Как же так получается?" мне объяснили, что государство тратит на офицеров больше денег, поэтому и требования к их отбору выше.

Из-за своей природной лени я особо заморачиваться с протискиванием на "военку" не стал и решил, что эту проблему решу как-нибудь потом. Сейчас об этом особо не жалею, каким-то парадоксальным образом мое сознание говорит мне, что ходить на дополнительные занятия по субботам мне было бы еще более лень, чем проторчать год в армии, ну и ладно, все что не делается, все к лучшему.

Для того чтоб не идти в армию сразу после университета, я, как и многие, поступил в двухлетнюю магистратуру, с целью еще на два года оттянуть срок принятия решения, которого не было видно на горизонте. Но, проучившись по вечерам полгода, я в своем стиле на учебу забил, потому что было жутко скучно и не интересно, и мой инфантильный мозг решил, что "пусть как будет, так и будет".

Далее была череда событий: я уехал жить и работать в Москву, вернулся обратно в Пермь и, после разговора с отцом, решил пройти независимое медицинское обследование, пообещав, что если буду официально годен в армию - бегать от нее не буду. Обследование выявило небольшие дефекты в виде гастрита и не особо небольшие в виде плоскостопия второй степени. Однако за пару лет до моего столкновения с суровой действительностью, плоскостопие второй степени годным отмазом считаться перестало, а до третьей степени я не дотянул. Так что было решено в первые несколько месяцев 2011 года погрузиться в адский угар и чад кутежа (что я и сделал), а с началом весеннего призыва пойти отдавать родине долги.

Несколько месяцев пролетели незаметно и вот на дворе уже апрель 2011, и вроде как меня должны пытаться всеми силами завлечь в родной военкомат, но не тут то было. Повестка не приходит и, понимая, что чем дольше ждать, тем тяжелее, двенадцатого мая я иду в военкомат сам. Там общаюсь с начальником военкомата и быстро пробегаю по всем врачам, которые, ни на что не обращая внимания, лепят везде "годен". Закончив все формальные процедуры примерно за час, получаю повестку на сбор в военкомате на шестнадцатое мая. Получив эту бумажку, я впервые по-настоящему понял, что у меня осталось три дня до отправки в армию. В настоящую, блин, армию, про которую все столько пишут и столько говорят, и к которой я, как оказалось, морально совершенно не был готов. Последние три дня на воле проходят в судорожных попытках начитаться чего-то полезного в интернете, научиться наматывать портянки, подшивать подворотничок и обучиться основам "пацанского" поведения в коллективе.

Так как шестнадцатое число выпадает на понедельник, то в последние выходные перед отправкой мы с друзьями меня активно провожаем и как-то даже не верится, что через два дня я останусь один с кучей незнакомого народа в совершенно чужой среде обитания.

Последний день перед армией гуляю по городу, стараюсь поймать момент, случайно узнаю, что сегодня вернулся из армии единственный, помимо меня, служивший одноклассник, с которым пересекаемся не на долго в городе, где он говорит, что точно придет меня проводить перед отправкой.

В последнюю ночь страшно. Время два часа ночи, лежишь, смотришь в окно, видишь луну, которая перемещается по небу и понимаешь, что чем дальше она идет, тем меньше остается у тебя времени. Утекающие минуты ощущаются практически на физическом уровне, не можешь уснуть, наверное, в последнюю ночь действительно лучше напиться в хлам, чтобы первые часы проходили в каматозе, и не надо было снова и снова прокручивать у себя в голове варианты развития событий, каждый из которых вызывает непременную жалость к себе.

В итоге все-таки удается уснуть, просыпаюсь в 7 утра, беру уже готовую сумку с едой и необходимыми вещами, добриваю голову (итак коротко стриженную) под ноль, одеваюсь в шмотки, которые не жалко потерять и, собравшись с силами, прокручивая в голове песню "Враг", настраивающую на воинственный лад, выдвигаюсь в сторону военкомата.

На улице приветливо светит солнышко, пригревает с самого утра, и на протяжении пути лезут мысли, которые содержат очень много мата, перемежающегося фразами "армия", "почему я", "за что" и остальными, наполненными жалости к себе, которые вероятнее всего прокручивали у себя в голове многие счастливые обладатели лысой головы, отправляющейся в годичное путешествие за приключениями.

Прихожу в военкомат, нас собирают, всего человек семь, знакомлюсь с каким-то молодым армянином, которого ждет та же не завидная участь, вместе идем в класс, садимся и ждем какого-то ответственного за нас человека в погонах, который должен объяснить нам, чего ждать дальше. Нам

выдают военники, толкают небольшую речь про то, что "все будет хорошо", грузят в газель и везут в Закамск в Красные казармы на место распределения.

Там очередной медосмотр в стиле "галопом по Европам" и "ста дебилов в трусах" и вот, предварительно откатав пальчики на дактилоскопии, ты сидишь и ждешь, пока тебя вызовут в квадрат, для того, чтобы за тобой пришли "покупатели". "Покупатели" - это такие господа военные, которые приехали набирать для своих подразделений свеженькое мясцо. Я знал, что меня должны отправить в Самару и, особо не нервничая, сидел, ждал своей очереди и умирал со скуки. Однако скука была нарушена, когда меня вызвали на сбор ребят, собирающихся в Хабаровск. Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. Учитывая, что за день до этого Макс вернулся из Хабаровска и рассказывал, что все деды там ходят с заточками и вообще, лучше бить первым, что-то мне туда не очень хотелось, тем более что Дальний Восток и Самара от Перми географически отстоят примерно так же, как Казань и Бангладеш. Вообще, мне, конечно, хотелось служить подальше от дома, чтоб избежать соблазнов и мир повидать, но не настолько же и не так сразу. Поэтому пришлось в срочном порядке восстанавливать предварительные договоренности и вот я уже стою в строю ребят, которых должны забрать в Самару.

Дальше было небольшое собеседование с каждым выбранным солдатом, которое особо ни на что не влияло. Даже тех, кто просил остаться поближе к дому все равно забрали. Запомнилось, как капитан с такой же здоровенной харей как у меня, а весил я, уходя, девяносто семь килограмм, увидев мою семнадцатилетнюю фотографию в военнике поржал и спросил: – "Что с тобой случилось то?" и после моего ответа, мол: - "Поесть люблю", сказал что-то в духе: - "Ничего, армия тебе быстро поможет".

После того, как набор был окончен, объявили, что уезжаем мы в среду и по вечерам, кто желает, может уезжать домой, чем я и пользовался оставшиеся два дня.

Уже с первого же дня пребывания в рядах наших доблестных вооруженных сил стало понятно, что если ты будешь вести себя вежливо и любезно, как на гражданке, то будешь делать всю дерьмовую работу за всех подряд. В частности, солдаты, служившие на сборном пункте, очень грамотно пользуются "обморочным" состоянием вновь прибывших, вешая им на уши любую лапшу и заставляя прибирать территорию, собирать окурки и

выполнять другую мелкую противную работу вместо себя. Таким образом, вновь прибывшее стадо сразу начало делиться на "нормальных пацанов" и на "лохов". В первые дни это как-то прошло мимо меня, может быть из-за того, что я со своими девяноста семью килограммами и лысой головой выглядел довольно угрожающе, а может, потому что и без меня народа было полно. Позднее я узнал, что мне повезло провести там всего несколько дней, ведь год начинает отсчитываться со дня посадки в поезд и некоторые ребята, проведшие две недели на сборочном пункте, эти две недели из своей жизни просто выкинули. Я выкинул, и то с оговорками, только три дня.

Отправка.

Итак, наступило 18 мая 2011 года, дата, которую я вспоминал тысячи раз на протяжении следующего года и которую я навряд-ли забуду в дальнейшем. С этой даты начался обратный отсчет до 18 мая 2012 года, 366 долгих дней, сделавших из мальчика мужика.

В среду я знал, что вечером нас увозят и более-менее готовый морально приехал на сборочный пункт, сообщив семье и друзьям о времени прощания на вокзале. Первые полдня мы по армейской традиции занимались пинанием воздуха и соревновались, у кого квадратнее станет задница от сидения на неудобных казарменных лавках. В середине дня началась выдача шмотья, 56 размер, висящий даже на мне, попытки справиться с завязыванием берец и протыканием ровной дырки под кокарду, что меня, как человека не способного себе даже пуговицу пришить, вогнало в уныние. Кое-как справившись с приведением себя в форму, я сразу почувствовал, насколько же все неудобное. Кстати, выдали нам носки, а не портянки: и на том спасибо.

Дальше добрые люди в зеленом отвели нас на фотографирование, где фотограф долго пытался запечатлеть меня так, чтоб не было видно второго подбородка, который я успел к двадцати двум годам отрастить, о чем он не преминул мне сообщить с осуждающим тоном. Эти снимки, впоследствии, отправлялись домой, для истории. После того, как было покончено со всеми формальностями, мы сходили в солдатскую столовую, еда в которой оказалась довольно отвратительной, что, по моим наблюдениям, в целом для российской армии скорее не характерно и под "прощание Славянки" мы с вещ. мешками стали запихиваться в тесные пазики в которых была явная нехватка места. Знал бы я, в каких условиях я побываю в качестве пассажира на протяжении дальнейшей службы, я бы устроился в этом пазике с комфортом, который и не снился владельцам лимузинов. Но опыта еще не было, и начало службы казалось не очень веселым. Тем более что мне, как и еще примерно двадцати из пятидесяти ребят, вручили в руки коробку с сух паем и помимо того, что мне нужно было транспортировать себя и вещ. мешок, мне нужно было постараться в первый же день в качестве рядового не потерять имущество роты.

По прибытии на Пермь II, нас выгрузили из автобусов и дали примерно час на прощание, его я провел в общении с родственниками и друзьями, и приколами папы и Макса над моим болтающимся как у дембеля ремнем, который на мне еле сошелся. На самом деле, если бы я знал, как сильно его нужно затягивать новослужащим, длинны его хватило бы и на полтора меня.

Долго ли, коротко ли, но подошел наш поезд и нас стали грузить в вагоны, настала пора прощаться. Пообнимавшись со всеми, я залез в вагон, скинул вещи, еду, насованную мне заботливой мамой, китель, так как была

дикая жара и духота, и, оставшись в одной майке, стал смотреть из окна на лица друзей, на плачущую маму и довольного отца, смотрящих на меня с другой, гражданской, стороны жизни. В голове сменялись одна за другой две мысли: "почему я?" и "ничего-ничего, все будет нормально" и, как ни странно и ни банально, воодушевляли последние слова Макса, сказанные им перед самым поездом: "Главное быть нормальным - будешь нормальным, и все будет хорошо". Поезд тронулся и, посидев еще немного со своим случайным попутчиком, я завалился спать на верхнюю боковую полку, потому что через несколько часов нас ждал ранний подъем в Екатеринбурге.

Самара Кряж. КМБ.

Май.

Дорогу поездом до Самары описывать особого смысла нет: полтора суток в поезде, поедание запасов вкусняшек и ништяков, и валяние на полке. Периодически поражал своих соплацкартников ответами на, как им казалось, неразрешимые загадки в кроссворде, а они меня, в свою очередь, поражали непроходимой тупостью, которая вызывала у меня грусть-тоску и желание порекомендовать им пойти убиться об стену.

Прибыв на вокзал Самары, который действительно впечатляет и вроде как признан одним из лучших, если не лучшим, вокзалом Европы, нас построили перед двумя Уралами, загрузили внутрь и повезли в направлении

поселка Кряж, который должен был стать нашим домом на ближайшие двенадцать месяцев.

Потрясясь некоторое время по ухабистым Самарским дорогам, и посмотрев в последний раз на девушек, гуляющих по зеленеющим улицам Самары-городка, мы по мосту пересекли Волгу и въехали в ворота 23 отдельной гвардейской мотострелковой Петракувской дважды Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады. Бригада удивила огромным плацом, размером с футбольное поле и четырехэтажными массивными казармами, расставленными вокруг плаца.

Выгрузив из Уралов, нас построили и стройными рядами провели в казарму, в роту связи. Расставив молодое пополнение по обе стороны от взлётки, ротный приказал выложить все из вещ. мешков и разложить перед собой. Это был осмотр на предмет всякого нелегала, который превратился в пятиминутное разграбление дедами наших вещаков и растаскивание всего, что плохо лежит. Собрав оставшиеся пожитки, мы двинулись расселяться по кубрикам. Нужно отметить, что в современной армии есть две системы солдатского жилья – кубриковая и с общим расположением. Систему с общим расположением все знают и видели в кино: двухъярусные кровати, выровненные по нитке, между ними тумбы, перед кроватями табуретки. Кубриковая система это по сути та же студенческая общага, то есть этаж состоит из взлетки – длинного коридора, по обе стороны которого расположены комнаты, в каждой из которых по 6-8 кроватей, туалет и душ, естественно, общие, один на сто человек, хотя рассказывали, что есть привилегированные кубрики с удобствами внутри.

Разложив свои личные вещи в тумбочку мы, в сопровождении ответственного за нас сержанта-разведчика, корявым строем отправились в столовую на обед.

Столовая в армии тоже заслуживает отдельного рассказа и, так же как и система солдатского жилья, делится на два типа – раздаточную и котловую. Котловая система это древняя армейская традиция, с раздающим еду за каждым столом, "первыми едят деды", "начать и закончить есть по команде" и вот это вот все. Раздаточная же система это обычная столовая, с подносами, где ты проходишь через поваров, раздающих еду. Впрочем, в воспитательных целях тут тоже могут быть приказы закончить прием пищи спустя десять секунд после того, как ты его начал. Еда в столовой в целом оказалась вполне сносной и после первого обеда я начал сомневаться, что мне удастся быстро похудеть с такими конскими порциями.

По возвращении с обеда в кубрик нас ждал первый армейский сюрприз. Все двухъярусные кровати валялись на полу, из тумбочек исчезли все личные вещи, и только одинокая зубная щетка сиротливо валялась в углу. Преодолев шоковое состояние, пришлось идти клянчить станок у сержанта, который хорошо посмеялся над тем, что я привез с собой в армию Gillet Mac3.

Дальше день прошел в постижении азов армейской премудрости, таких как заправка кителя в штаны и хождения строевым шагом. Так как в этом мае стояла ужасная жара, то мы сразу на себе почувствовали все прелести: еще до начала обучения чему либо, чувак, стоявший в строю позади меня свалился в обморок от жары, и пришлось тащить его в казарму, освежиться.

Рядом с нашей учебной ротой занимались ребята, пришедшие за три дня до нас. В первые дни в армии каждый день срока, проведенного за ее

стенами - огромное преимущество перед новичками и эти ребята казались нам опытными, знающими бойцами, снисходительно нас поддерживающими.

В качестве основного мотивирующего фактора сержантами учебной роты использовались перекуры. Курение в армии это вообще отдельная тема, если ты собираешься идти в армию, это должно быть очень серьезным стимулом курить бросить. Попав туда с двумя пачками Marlboro, я понимал, что вероятнее всего с наличием сигарет начнутся проблемы и, так как особо зависим от никотина не был, решил, что если сигарет не будет, то просто на время или насовсем курить брошу. Начал осознавать, что сложности будут я почти сразу, после комментария от пацана, стрельнувшего сигарету и с круглыми глазами увидевшего Marlboro, что скоро вам за счастье будет покурить Приму. И действительно, спустя несколько дней в роте начала активно процветать торговля старослужащими сигаретами за две цены от номинала и курящим ребятам без денег пришлось тяжело. Но спасало их сигаретостреляние. В армии, если у тебя заметили пачку сигарет, это значит, что за раз ты лишишься, как правило, от одной до пяти сигарет, розданных товарищам, которые будут растягивать их еще на нескольких человек. Собственно поэтому на четвертый день я решил не усложнять себе жизнь и курить перестал, и начал снова только спустя два месяца в Оренбурге, где купить сигареты стало гораздо проще, и они перестали быть настолько острым дефицитом.

Каждый новый день был полон сюрпризов и расширял как мой лексикон, так и понимание происходящего. Дальше опишу некоторые основные воспоминания, оставшиеся от КМБ, в том порядке, в каком они сохранились в моей памяти.

Вспышка и полтора

С первых же дней один особенно злой и тупой сержант, прошедший учебку в Чите, где ему и отбили голову, начал учить нас команде "вспышка". Услышавший эту команду, должен был упасть на пол и закрыть голову руками, при этом зачастую падать надо было со второго яруса кровати. В то же время я выучил команду полтора, когда при выполнении упражнений на счет "раз-два" (приседания, отжимания) при команде "полтора" ты должен был разогнуть ноги или руки не до конца, и в этом положении стоять, пока тебе не скажут два. Кошмарное упражнение, при котором мышцы довольно быстро начинают затекать и их начинает болезненно сводить, а я, со своим весом, в начале службы к такого рода занятиям готов не был.

Отдать честь

Все тот же злобный сержант считал, что его долгом является популярно объяснить новоприбывшему, что с некоторых пор в российской армии честь никто никому не отдает, все выполняют воинское приветствие. Объяснял он это не иначе как тычками в область груди, затрещинами и "вспышками". Хорошо, что пообщаться мне с ним пришлось всего пару раз, но воспоминание о себе этот мудак оставил и подготовил к тому, сколько в армии неадекватных персонажей.

Баня

Мыться в армии принято раз в неделю, за исключением ежевечернего ополаскивания ног в раковине под ледяной водой, вследствие чего в казарме сохраняются неповторимые ароматы службы.

Итак, раз в неделю рота собирается и дружным строевым шагом отправляется в баню. На самом деле баня в Самаре – просто душевая, причем из каждого душа льется либо ледяная вода, либо кипяток, может быть, таким способом командиры приучают солдат быть готовыми к трудностям жизни, но, скорее всего, виноват обычный российский пофигизм. В бане сдается все новое, свежее белье, выданное на призывном пункте, и выдается выцветшее растянутое нечто, отдаленно напоминающее трусы и майку. Но, с течением времени, поход в баню вызывает эмоции исключительно положительные, потому что после нее можно какое то время почувствовать себя человеком, а не потной, вонючей частью стада.

Комары

Каждый день в армии заканчивается вечерним построением и поверкой личного состава на наличие. Батальоны выстраивают на общем плацу, и около часа командиры проверяют, не угнал ли кто в Сочи (Самовольное Оставление Части), а солдаты стоят по стойке смирно и превращаются в пищу для злющих вечерних комаров. Очень интересное чувство. Хотя и не настолько интересное, как трех часовое ожидание генерал-майора, с каким то попом на плацу на раскаленном солнце в +35, в процессе которого, если окинуть панораму плаца взглядом, будет видно, как то тут, то там один за другим наименее крепкие солдатики валятся в обморок, как кегли.

Телефон и его потеря

Перед походом в армию я разумно решил взять с собой простой телефон, чтобы он не вызывал повышенного интереса у сослуживцев и было не сильно жалко с ним расстаться. Все бы хорошо, но я недооценил ценность Нокии с возможностью выхода в интернет. Вообще, в армии телефоны должны собираться офицерами, храниться в сейфе и выдаваться раз в неделю по просьбе солдата. По факту же, действует принцип – можно все, главное без палева. Поэтому, все солдаты играют с командирским составом в игру "спрячь телефон - найди телефон", которая ведется с переменным успехом. В нашей учебной роте, если в игре выигрывал командирский состав – телефоны показательно разбивались перед строем об стену, топтались ногами и чуть ли не сжигались в пламени праведного гнева. Однако опасность потери телефона со стороны офицеров была не единственной и даже не главной. Главная опасность подстерегала молодых и не опытных духов со стороны дедушек, которые построили бизнес по отжатию мобил и перепродаже их тем же, у кого они их отжали. Первые дни я благоразумно не доставал телефон вообще и привыкал к обстановке. Но в дальнейшем, по мере привыкания, мне начало казаться, что никто особо с телефонами не напрягается. Поэтому я стал им постепенно пользоваться и даже пытаться заряжать его днем. Вот за этим занятием меня и застал один из дедушек, который отобрал телефон, но при этом отбирал он его под тем предлогом, что это запрещено правилами и

что он не отжимает его просто так, а выполняет устав. Пообщавшись со своим призывом и поняв, что он меня, мягко говоря, разводит, я решил обратиться по этому вопросу к двум сержантам - контрактникам, которые вроде как были ответственны за нашу роту. Они пообещали решить вопрос, но вместо того, чтобы вернуть мне мой телефон предложили отдать мне обычный "тапик" (телефон без выхода в интернет), аргументируя это тем, что Нокию я все равно рано или поздно не сохраню, а этим интересоваться будут поменьше. Так как выбора у меня особо не было, и я пылал праведным гневом, и хотел наказать конкретного деда, я согласился, и они действительно выполнили свое обещание, хотя, как я понял несколько позже, они просто стояли в пищевой цепочке выше, чем этот конкретный дед, и перевели финансовую выгоду от отжатия у меня телефона на себя. Наглости мне всегда не хватало и такой исход этого вопроса в этот конкретный момент времени представляется мне не самым худшим. Абсолютное большинство случаев "отжимания" телефонов происходит не с помощью применения физической силы, а с помощью морального давления и применения казуистической логики (точно так же действуют гопники на гражданке, встречая тебя в темном переулке и пытаясь сделать так, чтобы ты отдал все сам, и только самые отмороженные после твоего отказа будут бить тебя трубой по голове). Если ты сможешь не испугаться и твердо сказать "нет" с большой долей вероятности ничего с тобой не сделают.

200 приседаний и потная ночь

Примерно на пятый день, стоя в строю в ожидании похода в столовую, кто-то из моих сослуживцев решил покурить и на этом спалился. Как назло, в тот день я, похоже, простыл и плохо себя чувствовал, была слабость и начала подниматься температура. Вечером перед отбоем ротный начал приводить в исполнение обещанное наказание и мы, обнявшись за плечи, начали приседать на "раз-два", причем, если по строю шла волна (приседали не равномерно) такое приседание не засчитывалось. В итоге мы присели около 200 раз, а я, с температурой и, чувствуя ужасную слабость, проклинал козлов, которые не могли потерпеть до курилки, и из-за которых мне теперь приходилось очень не сладко. Разошедшись на ватных ногах по кубрикам, мы рухнули спать, ночь я провел в потном полубреду, зато с утра проснулся на мокрой насквозь кровати, без температуры и явно выздоравливающий, но весь в красной сыпи (видимо от пота) и решил в сан. часть не идти, что в дальнейшем стало делом принципа и за год я сан. часть так ни разу и не посетил, чем умеренно горжусь.

Газировка

Отдельно мне вспомнился небольшой случай, который не могу не упомянуть. Когда мы отправлялись в армию я взял с собой пятьсот рублей и, как и многие, припрятал их. И вот, спустя где-то неделю КМБ нас отводят взводом до магазина и разрешают купить поесть-попить. Несколько ребят идут внутрь, а безденежное большинство стоит снаружи и пускает слюни. Мне становится их жалко и я, по гражданской привычке, покупаю несколько трехлитровых бутылок с газировкой и отдаю их в общий строй. В итоге

хватает всем, настроение нашей роты становится довольным, и мы двигаемся обратно в казарму. После этого случая отношение ко мне изменилось, и среди своих, пермских ребят, которые были со мной в учебном взводе, я не слышал в свой адрес ни плохих слов, ни попыток чего-нибудь с меня "поиметь".

Производственно-хозяйственный день с "пожаром"

Суббота в армии это день ПХД, он же Полностью "censored" День. В этот день при утреннем разводе формируются бригады, отвечающие за помывку казармы, техники, уборку территории etc. В реальности это выливается в то, что 50% чистят, моют и метут, а остальные 50% выбирают себе кусок стены и проводят полдня за тем, что трут по этому куску тряпкой без всякой пользы и надежды. Первым 50% не везет особенно: по полу в казарме разливается море воды, в нее крошится мыло, выливаются зубные пасты, гели, шампуни и все что под руку попадет. После этого из этой гремучей смеси добывается пена по колено и моется все. Особенно веселым является то, что перед тем как превратить пол казармы в пенную вечеринку, ты должен вынести на улицу все имущество роты – кровати, тумбочки, табуреты, по узким проходам и лестницам, а в качестве after party занести это все обратно. Наша казарма находилась на третьем этаже, и по окончании КМБ нас можно было смело нанимать на роль трезвых грузчиков, осуществляющих переезды.

Первые стрельбы и щипание травы

По армейской традиции, видимо, должной обозначить тот факт, что мы попали в боевое подразделение, а не в кружок кройки и шитья, перед принятием присяги каждый солдат должен был отстрелять свои честно заработанные шесть патронов. В день Y час X нас штабелями запихали в Уралы и повезли на полигон. Первая поездка в переполненном Урале это что-то незабываемое. Первый слой солдат занимает каждый сантиметр пространства, хотя бы отдаленно намекающего, что на нем можно сидеть. Затем на них падает второй слой солдат, которые не успели залезть первыми, и эта веселая куча мала чертыхаясь и матерясь, трясется в кузове по разбитым дорогам Самарской области час езды до полигона. По прибытии на место борт открывается и солдаты как горох из переполненной банки начинают сыпаться на землю, а так как ноги затекают, они не могут устоять и падают, приходится отползать, чтобы не оказаться погребенным под потной грудой тел своих товарищей.

По прибытии на полигон начинается, пожалуй, самый большой идиотизм, который я повстречал за год. Подготовка к стрельбам занимает порядка трех часов и до их начала солдатам приказывают руками вырывать траву вдоль дороги, на поле, протянувшемся до горизонта, что имеет под собой одну цель – солдат не должен сидеть просто так, отдыхать, ты должен придумать что угодно, чтобы его припахать. И вот рота из девяноста мужиков сидит на корточках вдоль дороги и три часа рвет траву. Сюрреализм. Дальше следует быстрая стрельба, лежа по очереди по шесть патронов и такой же веселый путь до казармы. Самыми довольными от этого мероприятия остаются наши офицеры, расстреливавшие сэкономленные патроны в

пустоту с двух рук в стиле Рэмбо. Впечатление от пребывания в армии регулярно скачет по синусоиде от детского сада до тюрьмы.

Обучение присяге

Наступало время принятия присяги и нас, чтобы не облажались на глазах умиляющейся родни, стали учить тексту присяги наизусть. Но все оказалось не так просто. Уровень интеллекта своих товарищей по несчастью я сумел оценить уже в поезде во время разгадывания кроссворда и не удивительно, что за прошедшие 3 недели этот уровень нисколько не повысился. Но только стала надвигаться тень катастрофы, офицеры достали из рукава свой козырь – испытанный способ обучения новобранцев тексту присяги в упоре лежа. Вот уж действительно, если не доходит через голову, дойдет через ноги. Или, в данном случае, руки. В итоге, спустя пару дней периодического стояния по несколько часов в упоре лежа и разучивания восьми строчек текста даже у самых упертых адептов безграмотности текст присяги отскакивал от зубов. Безоговорочная победа новейших методов обучения.

Самара Кряж. Присяга и увал.

Июнь.

Присяга. Водораздел, отделяющий реальную службу в армии от подготовительного периода, своеобразного карантина, между гражданской и армейской жизнью.

Утро начинается в волнении, сегодня увижу родителей и сестру, и смогу на сутки выйти на свободу. По прошествии времени события уже не очень четко раскладываются по времени в течение дня. Присяга помнится огромной толпой родственников КМБшников, шестью автоматами на тридцать человек, передающимися из рук в руки и рукопожатием капитана, возвещающего о том, что теперь ты настоящий солдат.

После краткой экскурсии по казарме, выезжаем на автомобиле в сторону отеля, где остановились родители. Выясняется, что джинсы с меня спадают, потому что за первые три недели я умудрился похудеть на семь килограмм. Едем в торгово-развлекательный центр и занимаемся тем же, чем обычно занимаются семьи с детьми в воскресенье в торговых центрах – едим, играем в бильярд, фотографируемся, записываем интервью на память. День пролетает как один час. После вечернего душа, который кажется блаженством, я лежу на большой двуспальной кровати и думаю о том, что завтра все начнется снова.

Утром меня отвозят к части и, попрощавшись с родителями и сестрой, и прихватив с собой пакет сладостей, я иду в сторону казармы. На душе такая тоска, что слезы сдерживаются с огромным трудом. Кажется, что прошло уже очень много времени, но понимаешь, что впереди еще целых одиннадцать месяцев до нормальной человеческой жизни и это ужасно.

Самара Кряж. Распределение по ротам.

Июнь.

Первый наряд.

После принятия присяги нас распределяют по батальонам и ротам. Конечно, побыв в определенных условиях некоторое время, ты к ним привыкаешь, поэтому большинство надеются остаться в роте связи, но нет – остаются единицы. Меня и еще несколько человек определяют в Первый Мотострелковый Батальон, Третью Мотострелковую роту. Эта рота оказывается очень оригинальной, потому что в ней отсутствуют офицеры, а находятся несколько срочников, в основном сержантский состав, которым остается до дома около двух недель и у которых заниматься нами особого желания нет. В итоге около недели мы занимаемся всякой никому не нужной фигней, которой нас загружают сержанты, чтобы мы были чем-то заняты.

В то же время происходит мой первый наряд в качестве дневального по роте. В наряд по роте идут три человека – дежурный по роте и два дневальных. Дежурный отвечает за выполнение ротой распорядка дня, чистоту в казарме и за другие повседневные дела. Выполняет он их руками дневальных, обязанности которых разделены на две части, которые они, как правило, выполняют по очереди. Один из них стоит на тумбочке полметра на полметра около дверей, ведущих на этаж, где проживает рота и при входе в расположение офицеров обязан громко подать команду «Смирно!» и громко продублировать «Вольно!» после того, как её подаст офицер. Из-за своего не очень хорошего зрения со мной в дальнейшем периодически происходили конфузы: когда в расположении находился старший лейтенант (три маленьких звездочки), я орал «Смирно», когда в расположение заходил мл. лейтенант (одна маленькая звездочка), издали приняв его за майора (одна большая звездочка), за что мне пришлось пару раз "прокачаться".

Погоны Майора

Погоны мл. лейтенанта

Конфликт с Ивановым.

В мой первый наряд по роте, которая у нас располагалась на третьем этаже, в качестве дежурного по роте у нас был "дед" мл. сержант Иванов, а в роте, которая находилась на первом этаже, дежурным по роте был дружбан Иванова мл. сержант Петров и оба они были редкостными сволочами. Иванов отправлял меня относить своему корешу сахар, а тот гнал меня обратно, угрожая неприятностями, если я не успею за десять секунд. По прошествии пары недель, я понял, что они, таким образом, просто развлекались над молодым "слоном", который не понимал, что происходит и бегал с вытаращенными глазами по их первому слову. Тогда же произошла первая относительная неприятность. Иванов позвал меня в кубрик, где были он и несколько дедов и, для начала, предложил мне зашить ему штаны. Я, как мог, отмазывался от этого предложения, объясняя, что шить не умею и вообще, руки не из того места растут, а они весело над этим посмеивались. Ощущения не из приятных, учитывая, что я абсолютно не понимал, чего от них можно ожидать, я был один, их четверо и офицеров в роте не было вообще. После неудачи с брюками, Иванов решил с меня что-то все-таки поиметь, и, сказав, что его новые берцы ему трут, предложил отдать мне их "поразнашивать", а взамен хотел забрать себе мои новые, "юдашкинские", которые отличались от берец старого образца мягкостью. Я, устав сопротивляться, решил, что проще будет согласиться и обмен произошел. В первые дни я, конечно, проклинал себя за слабоволие, потому что оказалось, что мне эти берцы тоже изрядно натирали ноги. Однако по прошествии времени оказалось, что юдашкинские берцы разваливаются уже спустя три-четыре месяца, в его же берцах я проходил до самого конца нашей командировки в Оренбург, так что в итоге все оказалось не так уж и плохо.

История наших взаимоотношений с Ивановым, почему то меня люто невзлюбившим, на этом не закончилась и продолжилась в поездке в Казань и завершилась достаточно неожиданным образом.

Казань. Охрана аэропорта.

Июнь.

Подготовка к отправке. Развед. взвод.

Спустя примерно полторы недели болтания без надзора и руководства со стороны офицеров, нам было объявлено, что мы отправляемся в двухнедельную командировку в Казань в составе развед. взвода.

Разведчики в армии считаются элитным подразделением, конкурирующим с ВДВ и командиры, а также их требования к личному составу, в этом роде войск соответствующие. Для командировки нам необходимо было собрать себе вещмешок со всеми необходимыми вещами, контролем над чем в остальных ротах занимались старшины рот, каптеры и офицерский состав. В нашей роте не было ни первого, ни второго, ни третьего и мы оказались предоставлены сами себе. В итоге сбор вещмешка оказался настоящим мучением.

Перед отправкой ежедневно на протяжении нескольких дней на плацу перед частью проводится вещевой смотр – раскладывается вещмешок, на

него: котелок, кружка, ложка, нитки, иголки, расческа и так далее. У нас не было практически ничего, а офицеры развед. взвода, пацаны лет 20, младше меня, помогать нам не спешили, ограничиваясь ором и проклятиями. В итоге наши сослуживцы, изначально находившиеся в развед взводе, начинали смотреть на нас недобрым взглядом, вынужденные из-за нас торчать на плацу до глубокой ночи.

Самая жесть произошла в последний вечер перед отправкой. Мне выдали котелок, и я не догадался его открыть и посмотреть внутрь, и, когда лейтенант уже около десяти вечера приказал открыть котелок, мы увидели, что внутри он покрыт толстым слоем жира. Я, под негодующими взорами одновзводников, отправился в казарму отмывать котелок с помощью зубной пасты, и, так как очень торопился, первый раз отмыл его плохо, за что меня, под общий ропот отправили отмывать его еще раз. Скажу я вам, ощущения те еще, ненависть и осуждение ощущаются практически на физическом уровне. В итоге я кое-как его отмыл и после этого ближе к часу ночи мы все отправились спать, чтобы на следующий день отбыть в Казань. Но это были еще не все злоключения. Проснувшись утром, я обнаружил, что вечером, отмывая котел, я забрызгал свою форму зубной пастой. И мне надо было за сорок минут придумать, как это отмыть, чтобы прилично выглядеть на утреннем смотре. Сейчас, я уже точно не помню, что я для этого сделал, может быть пятна оттерлись или офицеры не обратили на это особого внимания. Но, так или иначе, смотр я прошел и вместе с сослуживцами погрузился в Урал и отбыл на вокзал, где, после нескольких часов ожидания, мы погрузились в поезд и отбыли в Казань.

Вещевой смотр

Общая располага и котловая столовая.

В Казани нас встретили на Уралах и повезли в расположение. В отличие от Самары это расположение, кажется, застало еще Чапаева с Петькой – все древнее, рассыпающееся и, что главное, общее расположение и котловая столовая.

общее расположение

котловая столовая

Отличие общего расположения от кубриковой системы достаточно очевидно – все живут в одном большом помещении и ровняют кровати по нитке.

Котловая столовая отличается от обычной тем, что на каждом столе назначается раздающий, который раскладывает все по тарелкам, и все действия производятся исключительно по команде. Крайне неудобный и бестолковый пережиток прошлого, который, что радует, встречался мне за всю мою службу ровно один раз.

Конфликт с Ивановым-2. Кровать.

Уже на второй день пребывания в Казани Иванов решил, что ему пора напомнить о себе. С утра при заправке кроватей он подозвал меня и приказал заправить ему кровать. Я, к тому времени уже обдумавший наши с ним отношения, отказался, за что он, недолго думая, ударил меня в грудь. Несмотря на это, я сказал ему, что заправлять ему ничего не буду, он может делать все, что хочет. Покряхтев и недовольно побурчав, он отправил меня обратно и уже через минуту его кровать заправлял мой сослуживец Андрей, а ко мне подошел один из старослужащих, похвалил и сказал, что я все сделал правильно, что помогло мне воспрянуть духом и создало отличное настроение на целый день.

Иванов в центре справа от лейтенанта с задранной фуражкой

Ночная охрана аэропорта

Описать жизнь в казанской части можно тремя словами – сон, еда, строевой шаг. Когда мы не спали и не ели – мы учились ходить строевым

шагом и петь песни. Поэтому, имеет смысл рассказать о ночных дежурствах у аэропорта.

Как я уже сказал, целью нашей поездки была охрана аэропорта Казани, куда на скачки прибывал тогдашний президент РФ Медведев. Служащих развед. взвода разбивали по парам, вручали один пакет сух. пая на двоих, рацию, и на Урале развозили по точкам, где мы должны были смотреть в ночь и, в случае обнаружения чего-то подозрительного, докладывать по рации командованию.

Выпрыгнув из Урала на дорогу, мы с напарником проследовали на нашу точку наблюдения. Постояв некоторое время, было решено отправить делегацию в ближайший лес, для того чтобы нарубить там палок из которых можно будет соорудить каркас нашего дома на ближайшие несколько дней. Достав палки, мы воткнули их в землю в форме прямоугольника, связали между собой нитками, и принялись возводить стены из высокой травы, которую привязывали к каркасу теми же нитками, крышей же стала плащ-палатка. Проведя за этим занятием весь вечер, мы по очереди стали укладываться спать по часу, решив извлечь из этого занятия хоть какую-то пользу. Вдвоем спать не могли, во-первых из-за отсутствия места, а во вторых из-за того, что каждые полчаса нужно было докладывать по рации об отсутствии происшествий. Очередной фейл у меня произошел, когда я пытался открыть сгущенку из сух пайка. Она была в тюбике и, отвернув крышку, я увидел, что она залеплена фольгой. Не догадавшись перевернуть крышку и проткнуть фольгу специальным конусом, который расположен на крышке, я проткнул фольгу иголкой, но из-за слишком маленького отверстия у тюбика лопнула задняя часть, и весь наш сух пай оказался в сгущенке. Как итог, о моих кривых руках по развед. взводу ходят легенды. Неприятно.

Самые тяжелые часы ночью – часы перед рассветом. Примерно около трех ночи холод достигает своего максимума, и ты в одном кителе стоишь, смотришь в ночную темноту, дрожишь от холода, проклиная все на свете, и ждешь рассвет. Приходят мысли о том, что на гражданке никто не мог тебя насильно заставить не спать или вытащить в ночной холод в одной рубашке. Вспоминаешь друзей, которые наверняка сейчас либо спят в теплых кроватях либо веселятся у кого-нибудь на даче. Интересно, вспоминают ли тебя.… Ощущаешь тоску от невозможности быть с ними, смешанную с гордостью от того, что ты являешься частичкой огромной машины, охраняющей их сон, и ответственность за каждого из них.

Как и следовало ожидать, за время ночных дежурств ничего не предвиденного не происходит, и мы, с чувством выполненного долга, отправляемся в Самару. Как оказалось, не на долго.

Оренбург. Биндюжники.

Июнь.

Отправка.

По прибытии в Самару нам практически сразу сообщают о том, что через три дня мы отправляемся в месячную командировку в Оренбург. Сначала у меня практически паника. Я отправлялся служить в Самару, где

должен был оставаться всю службу, а в итоге меня за первый месяц в роте отправляют уже во вторую командировку, но что делать, идем собираться. Благо, опыт по сбору вещмешков уже есть и проблема возникает только связанная с обычным армейским идиотизмом – офицеры решают, что у каждого лысого солдата в обязательном порядке должна быть расческа, которых у нас естественно нет. В итоге собираются деньги и расчески покупаются в магазинчике на территории части, а потом разламываются на две-три части и раздаются коллегам.

Но не успело у меня улучшиться настроение, сразу приходит новость, как гром среди ясного неба - командиром моего отделения назначают Иванова и он, вспоминая Казань, обещает мне полный ад по приезде в Оренбург. Особую пикантность придает то, что он – местный, оренбургский и вот тут мне становится не до смеха.

Завершив вещевой смотр и, по уже сложившейся традиции, погрузившись в Уралы, едем на знакомый нам Самарский вокзал, чтобы отправиться в Оренбург.

Поезд

В поезде обстановка благодушная, гражданское население жалеет солдатиков и подкармливает, как может, да и мы, оказавшись в компании вменяемых "дедушек", делим с ними сух пайки и строим предположения о том, что нас ждет впереди. Дальше сон и в пять утра подъем – Оренбург.

Прибытие

Прибытия в разные города не отличаются большим разнообразием, грузимся в транспорт и выдвигаемся в сторону нашего будущего дома по ухабистым оренбургским дорогам.

Сон на полу

Приехали мы в казарму еще затемно, зашли на плац, расселись на вещмешках и стали ждать, пока руководство осматривало место прибытия.

В первый день решались хозяйственные вопросы – казарма была полузаброшенная, тысяча девятьсот тридцатого года постройки, половина ее была заколочена. Вода практически не бежала, и срочно нужно было организовывать питание. Пока офицеры занимались этими заботами, мы переоделись в подменную форму старого образца, и, сложив новую форму в подвал, стали приводить в порядок свои личные вещи. В первую ночь кроватей хватило не всем, поэтому спали мы кто, где смог поместиться, в коридорах, в общих комнатах, постелив на пол бушлат и положив под голову вещмешки.

Июль.

Пионер лагерь

В первый месяц разгрузки боеприпасов не было. Дело в том, что наше руководство не успело оформить на нас все необходимые бумаги и первый месяц мы, фактически, отдыхали. Единственным напрягом в те дни была строевая подготовка, которой уделялось время до обеда. Зато после обеда и практически до самого вечера мы играли в футбол, волейбол или просто бегали кроссы, для поддержания формы. Погода стояла жаркая и в перерывах между играми мы сидели в тени и болтали, а так как с доступом к магазину тут все стало просто, он был на территории части, у народа начали появляться сигареты. И я снова закурил. Первая сигарета после такого перерыва была чем-то особенным, но спустя пять дней новые ощущения прошли и привычка стала просто привычкой. В это время я часто стал задумываться, что те люди, которые говорят, что армия смягчается были правы и действительно, за исключением нескольких неприятных моментов, в целом все было очень легко. Тем более что взвод у нас на половину состоял из "дедушек, с незаконченным высшим образованием и я как-то незаметно влился в их коллектив и прекрасно себя чувствовал.

Сомрат

В Оренбурге я впервые в своей жизни увидел аварца. Это такая разновидность дагестанца. Наш проживал в Сургуте. Звали его Сомрат. Лицо его было похоже на лицо орка из трилогии «Властелин колец», а поведением он напоминал Нельсона из Симпсонов. Он занимался рукопашным боем и при каждом удобном случае пускал свои умения в ход. Меня он перед отбоем регулярно подначивал в духе – "Давай завтра встань в спарринг" и после того, как я ответил "давай" сильно удивился и почему-то потерял ко мне интерес. Но продолжал периодически терроризировать наш взвод, развлекаясь превращением слабых или неконфликтных солдат в груши. Все это продолжалось до тех пор, пока однажды старослужащий Серега не поссорился с ним при разгрузке снарядов, после чего Сомрат убегал от него на четвереньках, получая в след пинки. После этого дагестанская диаспора задумала отомстить Сереге, но наш комбат Медведев, ростом за два метра и весом за сто килограмм, познав об этом, сказал, что если это случится и русские не вступятся за Серегу он лично устроит всей роте "сладкую жизнь"

и конфликт сам по себе потихоньку сошел на нет до момента нашего возвращения в Самару.

Аварец и его родственник

Пьянка ребят и их наказание

Но, как мы знаем, если все идет хорошо и солдат никто не напрягает, они начинают искать приключения сами. В одно не очень прекрасное утро на утреннем разводе перед строем офицеры поставили четверых срочников и сообщили нам, что вчера эта четверка во время ночного наряда по кухне умудрилась, где-то достав водку, напиться. Взвода, к которым принадлежали солдаты из провинившейся четверки, поставили на плац и сообщили, что так они будут стоять целый день, а провинившаяся четверка будет бегать вокруг них, ходить гуськом и заниматься другими полезными вещами из ОФП с вещмешками, набитыми песком, за спиной. Эта экзекуция продолжалась примерно на протяжении четырех часов, за это время в четверку летело все, что можно – камни, вода, мелочь, таким способом толпа выражала свое недовольство от стояния на плацу и радость от того, что не они бегают по кругу, и можно поглумиться над опозоренными. В довершении всего, еле передвигающую от усталости и мокрую от пота и воды, вылитой на них четверку отправили на строительство общего туалета, вместо которого первые дни использовались ничем не огороженные ямы в земле.

Лично я в тот день для себя окончательно решил, что проще не пить год (заодно оздоровить организм), чем ради сомнительного удовольствия рисковать оказаться изгоем, ненавидимым всеми и отправляемым на самые унизительные работы.

«Больное сердце»

Отдельно расскажу о Сергее, одном из провинившейся четверки. В конце июля мы оказались вместе в наряде по столовой. Мне было жалко глядеть на его положение, тем более он казался более-менее не тупым, с неоконченным высшим образованием. Я начал с ним общаться, пытаясь

помочь и убеждая, что чем быстрее он забудет про случившееся и станет нормально себя вести, тем быстрее остальные также забудут о произошедшем. Однако он избрал для себя другой путь, а именно – решил закосить. Сергей начал жаловаться всем, и мне в том числе, что у него стало болеть сердце, что ему плохо, и чуть не плакал от жалости к себе. Пытаясь помочь ему, я поговорил со старослужащими из своего взвода и те, смеясь, рассказали мне, что, несмотря на все свои жалобы на сердце и плач, Сергей, бежал за сигаретой, если ему ее предлагали со всех ног и мигом забывал о своих проблемах. В итоге, я, конечно, плюнул на это дело и предоставил ему самому разбираться в своих проблемах так, как он считает нужным. Он, тем временем, убедил нашего командира роты в своих проблемах с сердцем и был отправлен назад, в самарский госпиталь. Как мы позже узнали, пролежав в этом госпитале порядка двух месяцев он был комиссован на гражданку к ожидавшей его невесте и привычной для него жизни, состоящей из ночных тусовок в клубах и гонках на автомобилях по ночному городу.

Это был первый, но далеко не последний, случай, когда я увидел, как армия ломает и перемалывает человека, которого, при других обстоятельствах, я мог бы посчитать нормальным и возможно завести с ним дружбу или товарищеские отношения. Также этот случай показал мне, что если человек не хочет помочь себе сам и не готов приложить какие-то усилия для преодоления трудностей и восстановления уважения к себе, то, как ни старайся, помочь ему ты не сможешь и если он не входит в круг людей, которые для тебя дороги, то не стоит и пытаться, потому что ты его не спасешь, а сам, из-за своих попыток, можешь потерять уважение людей, которое в армии, да и в обычной жизни порой значит очень многое.

Август.

Первый состав

Каждая лафа когда-нибудь кончается. Так, первого августа кончилась и наша. Утром, на ежедневном разводе, было объявлено, что на полигон «Донгуз» прибыл первый состав с боеприпасами, и мы отправляемся туда для его разгрузки и погрузки на автомобили, следующие в дальнейшем, в места утилизации. Утилизация у нас производилась обычным способом подрыва и с саперами, жившими с нами в одной казарме (исключительно контрактники) раз в месяц-два случались несчастные случаи, которые, однако, утилизацию не останавливали.

Едем на полигон сидя на ящиках (кому везет), на полу или стоя (кому не везет)

Дорога до полигона

Прибыв на полигон, мы увидели железнодорожную рампу, на которой стоял наш первый состав. Нас разделили на команды человек по

десять-девнадцать на вагон и, строго настрого предупредив, что бросать ящики с боеприпасами ни в коем случае нельзя, ибо все может рвануть, отправили разгружать. Как обычно, все было не так просто. Для начала мы около часа пытались ломами открыть огромные металлические двери товарного вагона. В конце концов, справившись с этой задачей, мы увидели вагон, доверху забитый ящиками с боеприпасами, каждый из которых весил от 60 до 150 кг, и было абсолютно не понятно, как же достать первый ящик, чтобы начать разгрузку.

В итоге, спустя примерно полтора часа после начала работ разгрузка началась. Выстроив из ящиков конструкцию, которая стала лестницей, мы по двое заходили в вагон и выгружали из него ящик, а следующие двое по такой же лестнице из ящиков загружали их в машины. Разгрузка, начатая осторожно и с опаской, продолжалась все более и более небрежно. Поняв, что такими темпами мы ничего не успеваем мы принялись просто выкидывать

ящики, а вслед за ними и отдельные снаряды, из вагонов на землю, стараясь не попасть одним взрывателем по другому. Офицеры, увидев это, сначала пытались остановить такой способ разгрузки, но оценив скорость, возросшую в несколько раз, плюнули и, скрестив пальцы, отошли. Каких только снарядов там не было. И маленькие, еще явно со времен 2й мировой и огромные авиационные бомбы, которые мы выносили вшестером. Все эти огромные массы снарядов, произведенные тысячами разных людей и десятками разных цехов и заводов, находили свой конец в одной огромной яме, куда они все закладывались и подрывались опытными саперами. Была начата тяжелая, травмоопасная работа, на которой, не считаясь с тем, что многие поотдавливали себе пальцы рук и ног, не говоря уже о десятках сорванных спин, за 4 месяца были уничтожены многие сотни тонн боеприпасов, так и не нашедших себе применения, каждый из которых был осколком огромной боевой машины, покинувшей нас два десятилетия назад.

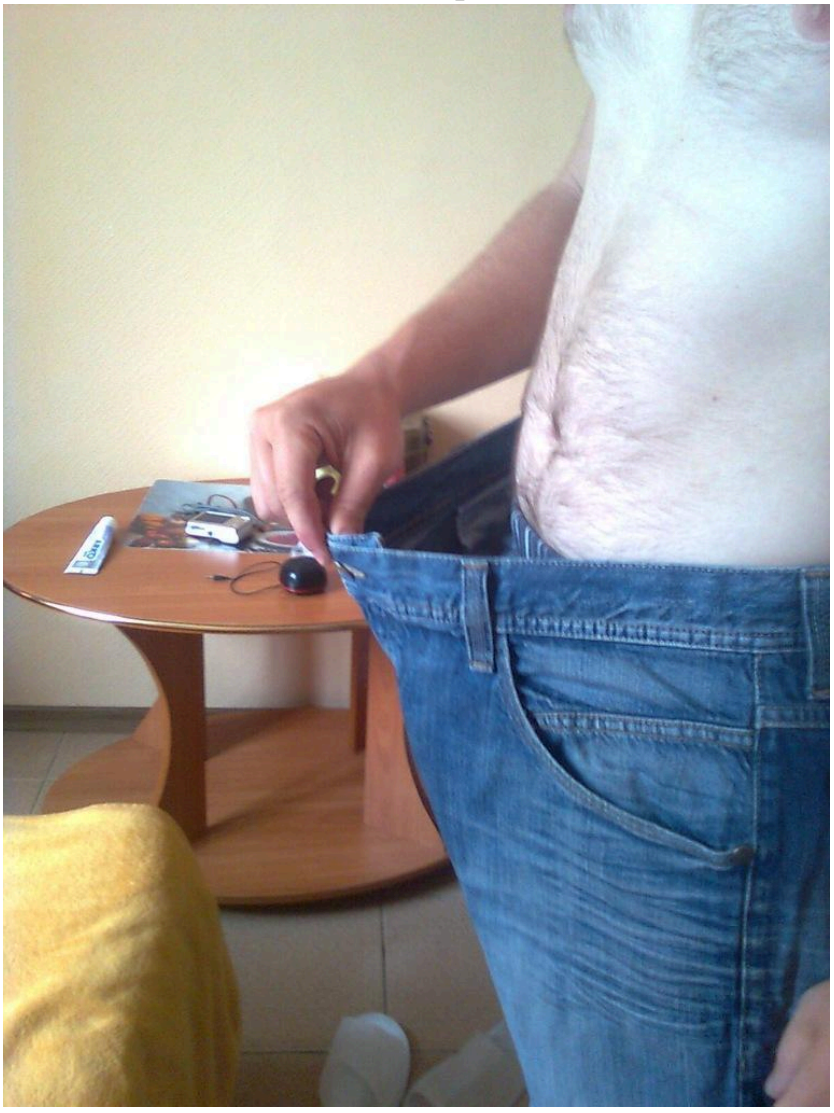
Боеприпасы

Увал

Работа по разгрузке вагонов с боеприпасами шла изо дня в день, и мы ускоряли темп. Если в первые дни мы едва справлялись с одним поездом за день, то уже через две недели мы вышли на темп разгрузки в два поезда в день. Тогда же я узнал, что в ближайшее время мама планирует совершить

героический марш-бросок по маршруту Пермь-Уфа-Оренбург и, преодолев около тысячи километров, забрать меня на выходные в увольнение.

Омрачалась эта мысль тем, что даже когда она была в пути, никто не сказал мне четкого и однозначного да, а Юра Жаринов, бывший заместителем командира моего взвода, все откладывал и откладывал разговор с ротным. В итоге буквально за несколько часов до того, как меня должны были забрать, он все-таки договорился об увольнении, за которое я должен был принести ротному по десять литров зеленой и белой краски. Счастливый и довольный в пятницу вечером я отправился в общем строю в баню и по пути увидел мамину машину, стоящую у ворот, и деда, высматривающего меня. Примечательно, что мама, увидев меня в строю не узнала, потому что я успел похудеть на тот момент на семнадцать килограмм.



После бани я говорю Жаринову, что пошел, он желает мне удачных выходных, напоминает про краску, и вот я уже сижу на заднем сиденье Volvo, везущей меня в отель, где мама сняла две комнаты. Общаемся, делимся впечатлениями и, после плотного ужина, расходимся спать. Я на гражданке, не верится.

Следующие два дня мы проводим в разъездах по Оренбургу, смотрим местные достопримечательности, гуляем по паркам, едем в развлекательный центр Мегу, где я веду себя как ребенок, мы едим мороженое, играем в автоматы, ходим в кино. Удивительное чувство, как будто на два дня снова стал шестилетним.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Заканчивается и увольнительная, и мама привозит меня на кпп с двадцатью литрами краски и сумкой, полной еды, газировки и сигарет. Юра, встретивший меня, сначала в шоке - начинает ворчать, но когда я объясняю, что в сумке, мы быстро заносим ее в казарму и прячем под кроватями нашего взвода и впоследствии несколько дней весь взвод, и я, конечно, вместе с ним, живет как в доме Скруджа МакДака благодаря доброте мамы.

Счетовод

Помимо разгрузки вагонов, солдат периодически отправляли делать другую работу, которая возникала по ходу пьесы. Так я оказался счетоводом, ответственным за пропуск машин на кпп полигона и за подсчет количества вывезенных снарядов. В целом работа была не напряжная, сидишь и целый день открываешь – закрываешь шлагбаум и записываешь в журнал данные выехавших и въехавших машин. Компанию мне составляли два азербайджанца, которым, по их словам, религия не позволяла работать в священный для них месяц. Когда мы приезжали на полигон и уходили на разгрузку вагонов этих двоих оставляли возле кпп, где они стояли под солнцем целый день без еды и воды и ждали, пока не закончатся работы и их не повезут обратно. Закончилось мое пребывание на посту счетовода после того, как солдат обязали при входе на полигон сдавать зажигалки и сигареты мне, после случая с пожаром, о котором я расскажу дальше. Проблема была в том, что все об этом знали и в течение дня все подходили ко мне, и пытались стрелять сигареты из чужих пачек, точно зная, что они у меня есть, и мне приходилось либо отбиваться от них изо всех сил, либо объясняться с владельцами сигарет в конце рабочего дня. Я, не будь дураком, устав от их

постоянных домогательств, нашел пацана из своего призыва, которому предложил меня заменить, аргументируя это тем, что я устал сидеть без дела. Он, посмотрев на меня как на идиота, легко согласился, причем, правило по оставлению сигарет у ответственного за кпп вскоре отменили, но я не пожалел о рокировке в любом случае. Потому что в дальнейшем он совсем отбился от коллектива, из за отсутствия физических нагрузок располнел, и его стали недолюбливать, что, останься я там на четыре месяца, неизбежно грозило бы и мне.

На посту

Пожар среди боеприпасов

Инцидент, приведший в итоге к моей смене деятельности, случился неожиданно. Похоже, что кто-то из солдат не аккуратно покурил среди ящиков с валяющимися боеприпасами и, учитывая, что на улице была температура под тридцать градусов и ветер, загорелось. Горели ящики,

горели обломки ящиков, не горели только боеприпасы, валяющиеся то тут, то там среди огня. Все силы были брошены на тушение, все понимали, что если сейчас рванет, никто не успеет уйти. Тушили подручными средствами, баграми, лопатами, всем, чем только можно было, таскали воду из пожарного колодца, который также использовался, как колодец для питья. В итоге, примерно за час огонь удалось потушить и, как это обычно и бывает, как только все потушили, прибыла пожарная машина. В ту ночь десять человек, включая меня, оставили на полигоне, на случай повторного непредвиденного возгорания. Хорошо запомнилось, как я лежал на спине на ящиках с боеприпасами и смотрел в еще теплое оренбургское небо, усыпанное звездами, и чувствовал полное умиротворение и красоту момента.

Разгрузка при свете фар

Перейдя с работы счетовода на работу такелажника, я достаточно быстро втянулся в дело, и дни полетели один за другим. Август слился в один день, состоящий из подъема, завтрака, езды до полигона в переполненном кузове Урала, разгрузки вагона до обеда, разгрузки вагона после обеда, отправки в часть и сна. Но один день в месяце все же стоит особняком. В тот день нашей бригаде, состоящей всего из шести человек, пришел вагон, набитый маленькими, но тяжелыми ящиками и уже к обеду мы понимали, что разгрузить его за сегодня нет никакой возможности, и особо не торопились, думая, что сможем доразгрузить его завтра. Ближе к вечеру, когда начало темнеть темпы нашей работы увидел майор, командир батальона и ****** (очень удивился). Он популярно объяснил нам, что поезд нужно отправить сегодня и если потребуется, мы можем работать тут хоть всю ночь, пока не будет разгружено все до последнего ящика. Согнав к нам еще две бригады, под начавшимся проливным дождем нам к вагону были подогнаны два Урала, освещавшие его внутренности светом фар. Поскальзываясь на мокрой глине с тяжелыми ящиками в руках, измотанные, мы как тараканы один за другим бежали в вагон и из него, видя, что если очень надо, то нет ничего невозможного: вагон разгружался на наших глазах. В итоге, к половине двенадцатого ночи работа была закончена и мы, усталые и грязные, поехали в расположение роты для того, чтобы завтра все началось сначала.

Привет из Агаповки

Майор унюхал запах

Еще один забавный случай, связанный с майором Медведевым, нашим командиром батальона. Здоровенный мужик, правильных взглядов, подтягивающийся раз тридцать при весе за сто килограмм. Однажды на телесном осмотре (когда все стоят в трусах перед сном и офицеры осматривают личный состав на предмет синяков) от стоящего невдалеке от меня лейтенанта явственно пахло спиртным. Майор Медведев, пройдя мимо строя, вернулся ко мне, придвинул свое лицо к моему на расстояние в пять

сантиметров и начал принюхиваться. Мне одновременно было страшно и смешно, когда он глядя мне прямо в глаза спросил

– "Ты что, пил?"

- "Никак нет"

- "А че несет тогда?"

- "Не могу знать"

- "Точно не пил?"

- "Точно"

- "Ну, смотри мне"

И он пошел дальше, а я вздохнул с облегчением до следующего раза, когда майор Медведев обнаружил, что у меня "глаза умные".

Сентябрь.

Сдача состава

Каждый вечер, после завершения разгрузки состава, опустошенные вагоны необходимо было отвезти обратно до села Первомайское, где у нас находилась казарма, подмести, очистить от остатков ящиков и сдать работникам железнодорожных структур. Назначалась команда, человек из пяти, и они в вагонах ехали до точки назначения. В этот раз в такую команду попал я. Прокатиться около часа в вагоне было довольно увлекательно, хоть какое-то событие, раскрасившее будни, превратившиеся в день Сурка. Прибыв на место, мы остались на некоторое время без офицерского контроля, и тут же была снаряжена команда из двух бойцов, до ближайшего магазина, где были закуплены разнообразные сладости, газировка и (omg!) бутылка пива на пятерых.

Каждый из оставшихся ребят, кроме меня, выпил по 150 грамм и был этим очень доволен. Один я не понимал, зачем ради двух глотков не вкусного

пива рисковать теми же приключениями, через которые прошли сослуживцы ранее. Эффекта от этих двух глотков все равно не было практически никакого, кроме того, что кто-то из офицеров мог унюхать запах. Вообще, момент достаточно показательный, потому что очень большая часть призывников это совсем еще дети, не осознающие ответственности за свои поступки и регулярно совершающие глупости.

Гильзы из латуни

Утилизация снарядов достаточно прибыльное мероприятие, если подходить к нему с умом. В нашем батальоне ходили слухи, что офицеры зарабатывали до ста тысяч рублей в день. Стандартный способ заработка был следующим – существовало огненное место, куда свозился для утилизации порох и ящики, оставшиеся от снарядов. Один взвод контролировал процесс и выступал в качестве рабочей силы, а когда поле остывало – отправлялся на поиски металлолома, оставшегося после сжигания. Ежедневно туда отправлялись несколько Уралов, которые забивались под завязку и отправлялись в Оренбург, где их принимали на пункте сдачи металла. Прибыль от этого получал наш командир батальона, а взвод получал небольшие презенты в виде шоколада и газировки. Но командир батальона был не единственным, кто хотел получить барыш от ситуации. Наш хитрый двадцатитрехлетний дагестанский командир роты приказал одному взводу, работавшему на разгрузке определенных боеприпасов скручивать латуневые гильзы с них и прятать среди огромных нагромождений ящиков, надеясь сдать их в обход комбата. Комбат, узнав об этом, выстроил батальон вдоль этой огромной кучи ящиков, и мы пошли цепочкой отыскивать клад. Занимались мы этим около трех часов, надо понимать, что ящики не сложены в образцовом порядке, а свалены в кучу и по ним приходится карабкаться, как по горам. В итоге клад так и не был найден, а хитрый ротный таки сдал свою латунь и остался доволен.

Случай с колонкой

В армии ко всем "доброжелателям" надо относиться очень осторожно. Освоившись в своем взводе и хорошо общаясь как со своим, так и со старшим призывом, я решил купить себе нормальный телефон, чтобы иметь возможность слушать музыку и выходить в интернет. Такие новости разносятся моментально, и ко мне тут же пристал один чуваш из старого призыва, у которого к такому телефону была небольшая колонка и он начал пытаться мне ее продать. Будучи еще человеком мягким и не склонным к отказу, я отнекивался от него, как мог и в итоге он уломал меня на то, чтобы я просто попользовался ей неделю, и, если не понравится, вернул, а если понравится – купил. Естественно, это был развод и он сам же, как я думаю, через два дня ее у меня украл. А еще через три пришел ко мне с "просьбой" вернуть ее обратно. Пришел он не один и формально был прав, так что я, посоветовавшись со знакомыми старослужащими, решил, что проще заплатить ему эти триста рублей, чем устраивать разборки, в которых меня могло поддержать меньшее количество людей, чем его.

Съехавшая крыша Старого

Один из самых печальных эпизодов на моей памяти за весь год произошел с моим сослуживцем, который призывался со мной из Перми. Звали мы его Старый, было ему двадцать пять лет, родом из Кудымкара, по национальности коми и выглядел, как древесный гном. Кожа у него была жесткая, а морщины на ней выглядели, как трещины на древесном пне. Акцент у него был также особенным, навевающим мысли о дедушкиных сказках про лешего и бабу ягу. Был он абсолютно адекватным, интересным и по-житейски мудрым. Жили мы с ним на соседних койках, я на верхней, он на нижней, что априори налагает какие-то соседские взаимоотношения, в общем, был нормальным русским мужиком. В Кудымкаре у Старого осталась жена с маленьким сыном, живущая у его матери с отчимом. Не такая уж редкость, учитывая в каких условиях, живут многие наши сограждане. Точно никто не знал, что произошло, похоже, что отчим выгнал из дома его жену с сыном, но со Старым начали происходить неприятные метаморфозы. Он начал замыкаться в себе, мог не реагировать на обращенные к нему слова, говорить невпопад. Мог попросить сигарету, и через минуту просить ее снова, забыв, что только что к тебе подходил. Так продолжалось некоторое время, пока не произошел неприятный случай. Я оставался в наряде по роте и, поэтому, знаю историю только со слов товарищей, дело было примерно так. Старый поспорил о чем-то с Сергеем, старослужащим, которого боялись даже дагестанцы, и не нашел ничего умнее, как кинуться на него с кулаками. Сергей не стал сдерживать себя и отоварил его по полной программе. После этого он стал очень тихим и забитым, пока однажды не вскрыл себе вены. После этого его отправили в самарский госпиталь, где он проделал то же самое еще раз и в итоге, когда я улетал в Таджикистан, его вроде бы собирались комиссовать. О его дальнейшей судьбе я ничего не знаю, и мне действительно очень жаль этого человека, который, когда мы познакомились, был хорошим товарищем, приятным в общении, а превратился в изгоя, которого все сторонились и в конечном итоге заканчивал службу одним из наихудших способов.

Октябрь.

Золотое время

Подходило к концу наше пребывание в Оренбурге, призыв 2-10 потихоньку собирался отправляться домой, и у нас образовалась бригада (старослужащие и я), ответственная за разгрузку машин с пустыми ящиками. Достаточно легкая, по сравнению с остальной, работа, тем более, что мы делились по парам и получалось, что ты тридцать минут работаешь и полтора часа отдыхаешь. Стоял теплый оренбургский октябрь, солнце светило вовсю и мы, обустроив себе удобные лежанки среди ящиков, рассказывали друг другу истории из жизни и строили планы о том, как встретимся на гражданке. Это время было своеобразным отпуском в армии. Я находился среди людей с незаконченным высшим образованием, у нас было вдоволь еды и воды,

сигарет и приятного общения, что может быть лучше. Рассказать о нем, о времени, особо нечего, но вспоминал я его всегда с теплотой, как вспоминаешь старых друзей, с которыми по не зависящим от тебя причинам перестал общаться, но воспоминания о которых греют тебя лучше казённого бушлата.

"У тебя глаза умные"

Наступило время, когда мы разгрузили последний состав и ящики со снарядами огромными штабелями лежали вдоль рампы, ожидая своей очереди для погрузки на автомобили. По мере того, как их количество уменьшалось, а желание офицерского состава вернуться в Самару увеличивалось, возникла необходимость посчитать более-менее точное количество оставшихся ящиков, поделить его на количество ящиков, загружаемых в день и, таким образом, получить представление о том, к какому числу работа будет закончена, и можно будет отправляться домой.

Уже знакомый вам комбат Медведев на утреннем построении подозвал меня к себе со словами – "Ты, иди сюда. Нужно сосчитать количество ящиков, оставшихся, у тебя глаза умные. Ошибешься больше чем на двести - накажу". Пришлось мне скакать по рядам ящиков с боеприпасами и на глаз умножать количество в высоту на количество рядов. Провел я за этим занятием больше половины дня, затруднялась задача тем, что ни ручки, ни листка, куда я мог бы записать данные, не было и все приходилось запоминать. В итоге у меня получилось порядка семнадцати тысяч

четырехсот ящиков, что, как потом выяснилось, оказалось достаточно близко к правде.

Печка из пороха

Первые теплые недели октября сменились морозами, и солнце уже не казалось ласковым. Температура на улице была около минус десяти градусов и все начали сильно мерзнуть. Как обычно бывает в случае крайней нужды, в ход пошла армейская смекалка. Надо отметить, что среди множества вагонов со снарядами периодически приходили вагоны с цинками, наполненными порохом. Естественно, порох из них просыпался и валялся вдоль рампы беспорядочными кучами. С его помощью солдаты и стали греться.

Берется плащ палатка или две. Палатка натягивается сверху на составленные коробки из под боеприпасов, все это сооружение образует хижину. В центр этой хижины ставится пустой цинк из-под патронов, в руки берется порох (порох это палочки, похожие на тонкие колбаски к пиву), поджигается одна сторона и бросается в цинк. Когда она прогорает, от нее зажигается следующая и так далее. Таким способом можно греться, когда твое место работы находится далеко от общей центральной палатки с печкой буржуйкой. Но и растопка печей в общих палатках порой не обходится без пороха.

Ослеп водитель

В один из дней в общей палатке сидели несколько человек, включая водителя - срочника, которому оставалось около недели до дома. Печь никак не хотела разгораться, поэтому уже печально известный вам сержант Иванов решил швырнуть в нее охапку пороха. В результате печь взорвалась, очевидцы рассказывали, как из палатки выбегали горящие люди, как их роняли на землю и тушили. Одному из них не повезло больше других – у него были обильные ожоги и особенно сильно пострадали глаза. Срочно, на военной машине, его отвезли в госпиталь, где он пролежал несколько месяцев, после чего постепенно к нему вернулось зрение. Узнать полностью ли он восстановился от этого случая, нам не удалось, потому что в скором времени мы отбыли в Самару. А Иванов за свои идиотские действия, повлекшие повреждения у сослуживца так никак и не ответил.

Уход призыва 2-10

Основная масса ребят из старшего призыва уходила домой в конце октября. Поэтому, в середине октября их собрали и отправили в Самару для того, чтобы уже оттуда демобилизовать. Было достаточно грустно прощаться с товарищами, с которыми провел бок о бок четыре месяца и подружился, однако в то же время радостно за них. Глядя на их счастливые лица и понимая, что чуть больше чем через полгода и тебе предстоит испытать такие же эмоции.

Отъезд в Самару

Несмотря на слухи, ходившие в батальоне, о том, что нас могут оставить на такелажные работы на зиму, в конце октября мы все-таки стали готовиться к отправке в часть. Сомневаться пришлось до последнего, потому

что когда мы отправлялись в Оренбург, командир бригады обещал нам, что мы не задержимся больше чем на месяц, в итоге же мы провели там четыре.

Самое интересное началось, когда мы должны были переодеться из подменной формы старого образца, в которой работали, в новую, юдашкинскую, которая должна была храниться у нас в подвале. Оказалось, что за эти месяцы ушлый сержант Иванов, который был местным, видимо в соавторстве с кем-то из офицеров продал практически все новые бушлаты и спокойно уехал на дембель. В итоге в Самару батальон возвращался разношерстной толпой, одетой кто во что горазд. Одни были одеты только в накидку от бушлата, другие только в его подклад, но большая часть была одета в бушлаты старого образца.

Проведя несколько дней на плацу, где проходил вещевой смотр, мы погрузились в Уралы, простились со ставшей родной казармой, в которой мы могли жить достаточно вольно и отправились в путь.

Обратно ехали мы в сидячей электричке и, ночь спустя, прибыли в Самару, откуда на машинах добрались до Кряжа. Возвращались мы достаточно опытными, проведшими практически пол службы в командировке, и не ожидали, насколько тяжелым получится ближайший месяц.

Самара
Ноябрь.

Страх и ненависть в Самаре

Первый день в части после командировки тянулся даже дольше, чем первый день в армии. Привыкнув к определенному распорядку, нам было не просто перестраиваться на новый, гораздо более уставной и не привычный.

Рассказ о новом положении вещей стоит начать с того, что мы оказались во второй роте первого мотострелкового батальона, командиром которой был даг, старшина – даг, двое из четырех командиров взводов – даги и в самой роте их количество повысилось с нескольких штук до десятка.

Они сразу начали устанавливать собственные порядки. На должности командиров отделений поставили всех не русских, которых смогли найти – дагестанцев, азербайджанцев, даже узбека, которые, получив не только фактическую, но еще и законную власть, начали гонять остальных по восемнадцать часов в сутки. Собирать снег, долбить лед, таскать оружие в оружейную комнату. В основном, конечно, это был снег. В ноябре в Самаре снег валил уже достаточно обильно и решалась проблема его уборки с огромного плаца тем, что каждый день в пять утра был ранний подъем двух взводов, которые убирали снег до завтрака, после которого их сменяла оставшаяся пара взводов. Снег стаскивался с помощью плащ-палаток на края плаца, где укладывался огромными кучами прямоугольной формы, так называемыми кантиками.

Отдельного рассказа заслуживает новый старшина. Он сразу обозначил, что если мы будем сдавать ему рублей по пятьсот с человека в месяц, то мы и казарму отремонтируем и жить будем очень хорошо, а если нет, то будем разговаривать по-другому. Туалет у нас открывался три раза в день – с пяти утра до семи, с часа дня до двух и с девяти вечера до десяти. Это было натуральное издевательство над практически сотней мужчин, которым приходилось бегать в туалет за казарму и смотреть, чтоб не заметили офицеры, либо прорываться в туалеты других рот, расположенных на других этажах. Каждую ночь старшина не давал личному составу спать. Он назначал старших, которые будили по пять человек из восьми с кубрика в одиннадцать вечера и заставляли заниматься работой, которую по идее нужно было делать днем до двух-трех часов ночи. В итоге большая часть роты ходила днем как в каматозе, засыпая на ходу. Одно воспоминание об этом злобном и тупом подобии человека, напоминающего агрессивную обезьяну, вызывает жуткую злость и не понимание, как в армии на командных должностях могут находиться люди, пишущие слово "тапочки" как "табочги".

Разведка и даги

Примерно в одно время с нами из полей вернулась разведка и, не помню уже точно почему, в нашей части расформировали их батальон и разведчиков раскидали в роты пехоты. Зная отношения между разведчиками и дагестанцами, которые за несколько лет до моего призыва дрались в нашей части все на все в формате пятьсот на пятьсот на общем плацу и прекратили бойню только после предупредительных очередей от офицеров из автоматов в воздух, мы надеялись, что нам с их приходом станет лучше жить и они смогут приструнить в конец обнаглевших дагов и их друзей. Но, как обычно, все оказалось не так. То ли разведчики пошли уже не те, то ли теперь "крутость" объединяла их больше, чем национальность, но по факту они разделили с дагестанцами сферы влияния и теперь мы оказались меж двух

огней. Для меня лично и моих друзей положение усугублялось тем, что мы заняли кубрик, соседний с кубриком дагестанцев и каждое утро они пытались заставить кого-то из нас у них прибираться. Сначала у нас получалось сопротивляться, но после того как Сергей, самый сильный и агрессивный из нас пошел к ним в кубрик "поговорить" и встретился с самым большим из дагов, а нам не хватило духу пойти с ним, все стало хуже. Сергей попал в больницу, где спокойно и дослужил остававшиеся ему пару недель, а нас уже некому было защитить. Пришлось ходить и убирать их кубрик, и хотя до меня очередь так и не успела дойти, и я благополучно улетел в Таджик, за этот момент мне, безусловно, стыдно. К сожалению, в очередной раз мы оказались слабее их, и не столько унизительно, что слабее физически, сколько, что слабее ментально.

Лейтенант Куроедов

Интересным для меня моментом оказалось то, что в армии подразделение на "перцев" и "лохов" происходит не только среди солдат, но и среди офицеров. В августе в Оренбурге появился у нас лейтенант Куроедов. Начались его неудачи с первого дня, когда он, стоя перед строем, в день, когда его представляли личному составу, стал чистить свою портупею, чем вызвал недоумение и смех у солдат, среди которых такими вещами занимается в основном молодежь, служащая первый-второй месяц. Далее его жизнь в батальоне была более-менее нормальной, пока мы не вернулись в Самару и его не поставили замещать ротного.

Шел снег, подходило время вечерней строевой прогулки по плацу. Настроения гулять у роты не было, к тому же приходилось брести сквозь сугробы, и выглядела рота как толпа зеков, бредущая с лесоповала. Однако господин Куроедов пошел на принцип, за что и поплатился. На прогулку мы вышли, но идти строем отказались. Просто встали и стояли на месте, и, так как авторитет у него был на нуле, ни его приказы, ни просьбы, ни уговоры, ни угрозы на нас не действовали. Стояли мы, пока не замерзли. Замерзнув – побрели вперед, но не строем с песней, а сложив руки за спиной и опустив головы. Смотрелось все это достаточно забавно, периодически были тематические выкрики по типу – "За что сидишь, братан?". В скором времени бесцельно бродить кругами нам надоело, и кто-то из строя решил продолжить веселиться с Куроедовым – ему в спину прилетел снежок. Попытавшись выяснить, кто это сделал, он наткнулся на молчание и, как только он отворачивался, в спину ему снова летели снежки. В итоге он был вынужден закончить нашу прогулку и вернуть роту в казарму.

После такой фееричной прогулки рота получила полночи воспитательных упражнений в сушилке, где нас хорошенько прокачал ротный, ну а лейтенанта Куроедова от греха подальше перевели в соседний батальон.

Зарядка и построения в – 18.

Каждое утро в армии в обязательном порядке проводится зарядка. Происходит этой действо на общем плацу. Утром, когда еще темно и ночной холод не успел отступить, выходим на улицу в одних кителях, без бушлатов и

несколько минут стоим и ждем командиров. За эти несколько минут успевают заледенеть и ноги и руки, и мысли только о том, как бы попасть обратно в тепло. После выхода командиров начинается зарядка на месте, которая не добавляет теплоты и к ее концу солдаты превращаются в дрожащие на ветру сосульки, вяло дергающие конечностями. Завершают зарядку несколько кругов бега вокруг плаца, которые позволяют немного согреться, но все равно, придя в казарму минут тридцать не чувствуешь конечностей от холода.

По вечерам проводятся общие бригадные построения, включающие вечернюю поверку. Солдаты становятся похожи на пингвинов. Стоят в строю по трое и переминаются с ноги на ногу, чтоб хоть как-то согреть замерзающие ноги. Офицерам в такие моменты приходится не сильно лучше солдат, правда, с поправкой на разницу в обмундировании. Завершаются вечерние поверки проходом строевым шагом по плацу до своей казармы с песней, за которым наблюдает с трибуны командир бригады.

Сон в БТР

В каждой более-менее крупной части существует свой парк. Это не то место, где растут яблони и можно посидеть на скамеечке с книжкой – парк, это стоянка боевых машин, требующих ежедневного ухода и осмотра. Зимой в России, как можно догадаться, парк – это снег. Наряды, назначаемые на работу в парке, занимаются его уборкой на протяжении всего дня. Исключение составляют механики-водители, которые занимаются осмотром непосредственно самих машин. Однажды мы с товарищем, который был механиком, залезли в его БТР и, воспользовавшись отсутствием офицеров, задремали. Проснувшись, мы некоторое время не могли пошевелить ни одной из конечностей, ощущения не из приятных. В конечном итоге руки и ноги кое-как удалось размять и выбраться из этого металлического гроба, и больше мы не рисковали повторять этот эксперимент, понимая, что в следующий раз можем так легко не отделаться.

Отправка.

Для начала предыстория. В августе в Оренбурге пошли слухи, что у офицеров есть какой-то особый список, согласно которому через пару месяцев будет производиться отправка контингента в Таджикистан. Через пару недель мы узнали, что это было правдой и людей из этого списка стали вызывать для беседы и фотографирования. В частности, заполнялись анкеты с вопросами об образовании, месте работы, родственниках, ну и так далее. Я заполнил анкету, сфотографировался и, порадовавшись, стал ждать, когда нам объявят об отправке. Стоит сказать, что в то время о Таджике ходили слухи, как о райском месте, в котором зимой тепло, можно есть фрукты прямо с деревьев, растущих рядом с казармой, про большие увольнительные выплаты и про отличные условия службы. Единственные негативные отзывы были о части, расположенной в городе Куляб, где, как рассказывали, продолжали цвести и пахнуть порядки, принятые в отдаленных частях еще Союзной армии. Но на эти рассказы мало кто обращал внимание, думая, что уж он-то точно не попадет в Куляб.

И вот, когда я уже отчаялся куда-то отправиться из холодной Самары, в расположении вывесили списки солдат, отправляющихся в Таджикистан через неделю. Я с огромной радостью увидел себя и начал морально готовиться к отбытию. Однако проблема заключалась в том, что подготовиться необходимо было не только морально, но и вещественно. Нам необходимо было укомплектовать вещевые мешки согласно спискам, а так как мы улетали в другую страну и возвращаться в эту часть не собирались, то часть эта пыталась отправить вместе с нами наименьшее количество вещей. Проявляя наглость, смекалку и пользуясь нормальными отношениями с каптером, мне удалось добыть себе все нужные вещи, по типу: кружка, ложка, котелок, но оставалась одна, самая большая проблема. В Таджикистан надо было лететь в новой "юдашкинской" форме и в новом "юдашкинском" бушлате. Ни того ни другого у меня не было. Но чего не сделаешь ради того, чтобы уехать из этой роты – форму я купил себе за пятьсот рублей у отправлявшегося домой старослужащего, а бушлат для нас выкрали разведчики из больницы, за каждый из них мы также заплатили по пятьсот рублей.

Отдельно запомнился несчастливый солдат Слободчиков, которого и разведка, и даги, и обычные солдаты шпыняли, как хотели. Он с молчаливой покорностью сносил все превратности судьбы, пока, за три дня до отправки, не взбунтовался и не полез в драку с разведчиком, в результате которой получил фингал. Этот фингал увидели офицеры, проводящие собеседование, и он стоил Слободчикову Таджикистана. Надо было видеть его грустные глаза, когда он понял, что из-за своего, не принесшего плодов, бунта остается в этой части и роте.

Остальные солдаты прошли собеседование и медицинский осмотр успешно и вот, укомплектованные и счастливые, попрощавшись с остающимися товарищами, погрузились в автобус и поехали в аэропорт Курумоч, где, проведя несколько часов в ожидании обычного гражданского рейса, среди обычных же гражданских людей, вылетели в Таджикистан.

На этом закончилась первая, российская, часть моей службы, дальше меня ждали все прелести и приключения средней Азии.

Таджикистан

Прибытие

Перелет на гражданском рейсе после полугода пребывания в рядах вооруженных сил РФ был достаточно необычным событием. Здорово было снова ощутить себя частью цивилизованного мира, посидеть в нормальных креслах, посмотреть на окружающих людей. Четыре часа полета прошли спокойно, и вот мы уже готовимся к выходу в аэропорту Душанбе.

За окном идет дождик, плюс пятнадцать, влажно и темно. Мы выгружаемся, проходим паспортный контроль и строимся недалеко от парадного выхода из аэропорта, в ожидании транспорта. В это время около выхода происходит что-то странное, множество людей, камер, все оживленно галдят. Оказалось, что одновременно с нами прибыли паломники из Мекки и эта толпа у выхода встречает их, как героев. Интересно.

Наконец за нами прибывают машины, и мы грузимся в кузов, свыкаясь с новыми ощущениями и новой страной за бортом грузовика.

Сопровождают нас в поездке разведчики-контрактники, которые проделывают с нами, как оказалось, стандартный фокус. Дело в том, что в Таджикистане все очень плохо с сигаретами, и русские сигареты стоят здесь в два раза дороже, а сигареты таджикского производства, даже хороших марок – жуткая безвкусная солома. И пока мы не разобрались что к чему, контрактники успели выменять у нас по несколько пачек русского "Петра" в обмен на таджикский "Kent". С первых минут нам показали, что нужно быстрее адаптироваться, чтобы не попадать впросак.

По пути к части в темноте мы наблюдали фонари необычной формы, небо над головой было абсолютно другое, и это помимо того, что из минус двадцати мы попали в плюс пятнадцать. Создавалось ощущение, что ты попал в сказку из мультика "Алладин", и в голове всплывала мелодия про "арабскую ночь и дивный Восток".

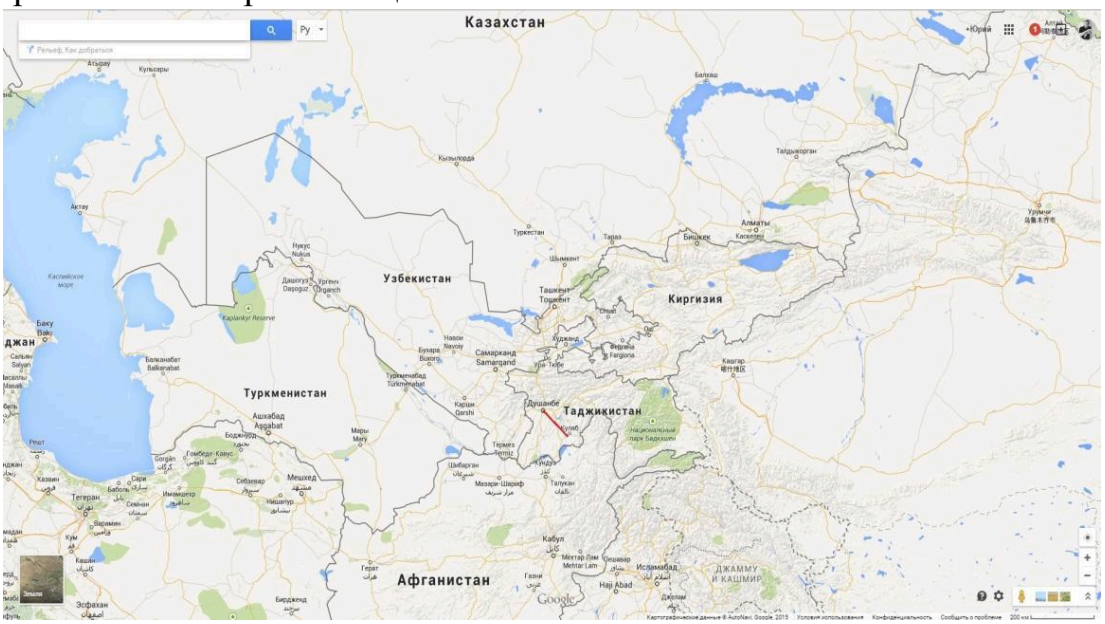
Прибыв в часть, мы разместились в походных палатках и отправились на ужин. Оказалось, что нас особо никто не ждал, поэтому ужин состоял из нескольких кусков хлеба и стакана чая. После него мы отправились спать, зная, что в течение ближайших двух дней нас распределят по трем частям – Душанбе, Курган-Тюбе, Куляб.

Душанбе

Следующий день прошел в формальных делах. Медицинские осмотры, прочие мелочи, которые изрядно затягиваются, когда вас больше ста человек на одного врача. Нескольких из нас сразу отправили в госпиталь на карантин: кто-то плохо себя почувствовал после перелета, у кого-то не было прививок на какие-то среднеазиатские напасти. Я и еще двое ребят из моего взвода, с которыми общался, надеялись попасть в Курган-Тюбе, и попасть туда вместе. Про часть в Кулябе говорили, как о беспредельной, про часть в Душанбе, наоборот, уставной. Курган-Тюбе, соответственно, была чем-то средним и вполне приемлемым.

На следующий день прошло распределение. Офицеры называли фамилии, солдаты выходили из строя и узнавали, где будут служить. Практически сразу обоих моих товарищей оставили служить в Душанбе, моей фамилии не прозвучало.

Остались шансы пятьдесят на пятьдесят на "очень хорошо" и "очень плохо". В первую очередь набирали людей в Курган-Тюбе. По мере произнесения одной фамилии за другой шансы таяли, но я до конца надеялся, что мне все-таки повезет. Но нет, зачитывать список закончили и я, вместе с еще тридцатью солдатами, остался под командованием Кулябских офицеров. Погрузившись в Урал и автобус, мы отправились в путь через всю страну, с перевалом через горы, чтобы спустя восемь часов езды прибыть на границу с Афганистаном в г. Куляб. Уезжая из Душанбе в Куляб, я позвонил родителям, сказал куда еду, чтоб не волновались, и в следующий раз удалось с ними поговорить только через месяц.



Переезд в Куляб

Переезд запомнился длинной и очень холодной дорогой. В горах стоял туман, и было ощущение, что в любой момент можно улететь в пропасть. Салон автобуса был отделен от водительских мест и не обогревался, из-за чего по прибытии на место мы все дрожали, как осиновые листы и еле-еле могли разогнуть руки и ноги.

Распределение и утренняя зарядка в броне

Привезли нас в часть около десяти часов вечера. Пока мы ехали, начался сильный снегопад и когда оказались на месте, казармы и все здания в части были похожими на засыпанные снегом домики из какой-нибудь зимней сказки. Сразу бросилось в глаза, какое все древнее и неказистое. Нас завели в казарму и выстроили в ряд, затем к нам вышел молодой лейтенант Крюков, который, не церемонясь, стал выдергивать за лацкан из строя приглянувшихся ему бойцов и отправлять в расположение своей роты. Таким образом, я снова попал во вторую роту. Со мной туда же отправились еще человек восемь.

При входе в расположение роты, первым делом бросились в глаза бронежилеты, висящие по две штуки на спинках каждой двуспальной кровати. Нам выделили по койке и мы, замерзшие и уставшие от дороги, завалились спать.

Прибыли мы в часть в субботу и в воскресенье обычно в армии выходной, но нас видимо решили сразу погрузить в атмосферу Кулябского гарнизона. В шесть утра нас подняли, скомандовали одеваться для выхода на зарядку. Тут мы поняли, что бронежилеты висят на кроватях не просто так. Первая зарядка в Кулябе состояла из трехкилометрового забега в шестнадцатикилограммовых бронежилетах и к концу забега у меня натурально тряслись ноги. В дальнейшем, правда, с течением времени бронежилеты на зарядку мы стали одевать все реже и в основном за косяки, и оставили их для учебных стрельб и бега по горам. Также, впоследствии, обнаружилась военная хитрость. Бронежилет старого образца состоит из металлических пластин, размером примерно десять на тридцать сантиметров, засунутых под ткань, внутрь бронежилета. На занятиях в горах, когда бежать становилось все тяжелее и тяжелее, некоторые особо хитрые солдаты доставали эти пластины через отверстия в ткани и выкидывали, в итоге некоторые из бронежилетов оказывались, по сути, просто кусками ткани, а другие весили все те же шестнадцать килограмм.

Юра-морячок

Через несколько дней после нашего прибытия к нам в роту привезли новеньких. Среди них был один интересный экземпляр из республики Мари-Эл. Кстати, в армии впервые узнал, что жителей этой республики называют марийцами и подразделяются они на речных и луговых. Еще в Оренбурге у меня был товарищ, из луговых, дико работящий, коренастый, который в одиночку делал больше работы, чем мы втроем вместе взятые. Был он сиротой, в родном селе был у него старый дом и больше ничего. Незадолго до призыва у него умерла мать, и по российским законам в армию его призывать не имели права. Но кто в России, а тем более в российской армии, смотрит на закон?

Возвращаясь к марийцу таджикистанскому, стоит отметить, что в роте, как я уже писал, было всего три человека с высшим образованием, и Юра был один из них. Проблема была в том, что образование у него было судоходное, до армии он работал на корабле, был и в южной Америке и в Африке, и обещали ему в военкомате, что отправят его служить в Морфлот

куда-нибудь в Севастополь. А отправили в пехоту, в Таджикистан, ха-ха-ха, армия, я люблю тебя!

Дак вот, в первые таджикистанские дни, узнав про его образование, я начал с ним общаться и думал, что это хорошая идея. Однако с течением времени он начал вести себя все не правильнее и не правильнее, видимо заскучал по морю, совсем потерялся и превратился во всеобщее посмешище. В итоге, когда мы улетали в Россию, он большую часть своего времени проводил либо в туалете, либо подшивая чьи-нибудь трусы. Не завидная участь, но что поделать, человек не смог адаптироваться к другим условиям, потерпеть и перестроить голову, но до дома все-таки в итоге добрался.

Азер

Одним из самых больших преимуществ службы в Таджикистане было то, что туда не брали дагов и чеченов. Однако свято место пусто не бывает, и здесь тоже образовались свои землячества, которые доминировали над остальными: азеры и тувинцы. Мне в очередной раз повезло не очень, и моим командиром отделения был маленький злобный молодой и очень тупой азер.

Вот некоторые из его поступков и прихотей: он запрещал своему отделению ходить в чипок (местный магазин), считая, что он тут местный князек и это его личное право есть там. Во время марш броска он приказывал четверым из отделения нести его на руках, и они несли. Когда нам начали платить по две тысячи рублей в месяц, одна тысяча рублей сразу собиралась офицерами на нужды роты. Из оставшейся тысячи, пятьсот рублей с человека он вымогал себе. Это то, что я вспомнил навскидку, тяжело описать словами ненависть, которую мы к нему испытывали и как были счастливы, когда эту обезьяну после случая с ножницами перевели из нашей части в Курган-Тюбе.

Лично я столкнулся с ним два раза и оба раза предпочел получить по лицу, правда, не особо сильно, вместо того, чтобы унижаться перед обезьяном. Первый раз я сходил без разрешения в магазин, и он предупредил меня, "в последний раз", второй раз я отказался мыть пол у его кровати, после того, как он что-то там пролил. Также, когда нам стали платить деньги, мы уже держались друг за друга с Костей, и он собрал дань практически со всего отделения, кроме нас, видимо решив, что ему и так хватит, и особо на нас не давя.

Самое интересное, что после того, как мы отказались отдавать ему деньги он начал брать нас с собой в необременительные наряды, где он мог сбежать в самоволку в город с местными таджиками, а мы были предоставлены на сутки сами себе и неплохо проводили время за поеданием припасенных вкусняшек и разговорами.

Потеря телефона

Собираясь в Таджикистан, я решил прикупить себе нормальный телефон. Здесь опять произошел какой-то театр абсурда, хоть стой хоть падай. Я купил телефон в роте у Сомрата, с которым у меня сохранились неплохие отношения еще с Оренбурга и оба мы в принципе остались довольны сделкой – я купил недорого, ему он особо был не нужен, это был старенький SonyErricson. И вот, улетая, я узнал, что этот телефон раньше

принадлежал Джамалу, одному из двоих людей из моего взвода, которые улетали со мной. Мне было достаточно неловко и стремно, а он вел себя как ни в чем не бывало, признавая, что сам отдал телефон и лишь иногда прося ненадолго позвонить. Такой бизнес в армии процветает и самые ушлые и наглые быки зачастую уезжают с неплохим состоянием.

В роте у нас было два азера, про одного я уже рассказывал, который заведовал "силовыми вопросами", второй заведовал вопросами экономическими – разводами, запугиванием и так далее. Спустя несколько дней после прибытия, ко мне подошел второй и стал разводить на то, чтобы я поменял ему свой телефон на обычный тапик, аргументируя это тем, что у меня все равно его заберут или они, или контрактники или тувинцы. Жить под постоянным прессингом тяжело, надо иметь большую силу воли и мужество. У меня их оказалось недостаточно, и я согласился. Конечно же, он меня кинул, и никакой телефон взамен мне не дал и я остался без связи практически на месяц, и с каждым днем меня все сильнее и сильнее мучала мысль, что мне надо позвонить домой, что меня потеряли и не знают, что со мной. В итоге мне удалось приобрести телефон только к двадцатому декабря, но об этом дальше.

Тувинцы

Как я уже говорил, в Таджикистане я познакомился с новой для себя нацией. Тувинцы. Это узкоглазые люди, живущие на границе России и Китая и измеряющие богатство семьи по количеству конских голов. Лица у большинства из них похожи больше на звериные и уклад с образом жизни современного населения Тывы не далеко ушли от образа жизни предков. Это самая страшная и сильная нация, которую я встречал за этот год. Их боятся все. Их боятся русские, чуваши, марийцы, узбеки, буряты и, в том числе, даги и азеры. Дело в том, что угрозы дагов и азеров в стиле – "я твой дом труба шатал" чаще всего показуха и ничего реального за ними не стоит. А даже если стоит, они прекрасно отдают себе отчет в том, что существует дисбат, армейская тюрьма, и попасть они в него не очень то хотят. Тувинцы же абсолютно безбашенные. Это нация охотников, поэтому каждый из них ходит со своим ножом и в случае, если тувинец посчитает себя особо сильно оскорбленным, он может этим ножом обидчика порезать, не особо думая о последствиях. Возможно, сначала они работали на репутацию, а сейчас репутация работает на них, но, тем не менее, я лично видел и ножи и нежелание ссориться с ними у других господствующих в армии каст. Они действительно страшные и внешне, и внутренне.

Декабрь.

Голод

Первый месяц в Кулябе был голодным. Нас привезли в часть, в которой ежедневный расход продуктов был рассчитан на пятьсот человек, нас же в части на конец октября оказалась тысяча. Так плохо и мало не кормили больше нигде. На завтрак обед и ужин нам давали бигус (капуста с картошкой), политый соусом из желто-зеленого мяса сорокалетней выдержки

(лично видел маркировки), суп, состоящий практически из одной воды и несколько кусков хлеба. Есть хотелось очень сильно.

После ужина у нас была пара часов свободного времени, которые отводились на подготовку внешнего вида к следующему дню. Закончив дела, мы сидели на теплотрассе рядом с казармой и думали, скорее бы наступило утро, чтобы поесть. К концу декабря большинство из нас выглядели как скелеты, с кожей, натянутой на кости, на это время пришелся минимум моего армейского веса, который составлял порядка 60-65 килограмм, что для моего телосложения равносильно дистрофии. Ситуация начала меняться с января, когда в столовую вместо солдат наняли работать местных, и, видимо, увеличили поставки продовольствия. Плюс к тому, у нас понемногу стали появляться деньги, и можно было сбегать в магазинчик на территории части, и перед вечерней поверкой съесть какой-нибудь рулет с газировкой или пакет пряников.

Костя

Костя был третьим после меня и Юры в роте человеком с высшим образованием. Корни у него были немецкие и во всем, что он делал, была немецкая педантичность. Это сильно помогало мне не получать за мое раздолбайство, так как мы вместе садились подшивать воротнички, вместе стирали и гладили свою форму и делали другие процедуры по приведению себя в уставной вид. Постепенно мы сдружились, и стали вместе защищаться от внешних угроз. Большего всего мне запомнились два случая.

Один раз сержант, когда мы как обычно сидели на табуретках и слушали нудный бред, сказал Косте что-то грубое и я, недолго думая, и практически на автомате, предложил ему сходить в эротическое пешее путешествие. Сержант сказал, что мне это припомнит и тем же вечером у нас с ним состоялся на эту тему диалог в сушилке с незначительным применением рук, в результате которого мы друг друга поняли и претензий друг к другу не имели, слава богу, сержант был вменяемым. А вот второй раз произошел через несколько месяцев, когда уже группа сержантов пыталась нас заставить что-то сделать помимо нашей воли при помощи кулаков и табуреток. Но к тому времени мы уже крепко держались друг за друга и сержанты, нанеся нам незначительный физический урон, пошли искать себе жертву полегче.

Блокнот

Будучи без телефона на протяжении первого месяца, я решил, что неплохо будет делать ежедневные записи в своем блокноте, чтобы потом восстанавливать события по ним, а не по памяти, как это приходится делать сейчас. В выборе выражений и описании окружающих персонажей я особо не стеснялся и поэтому, когда при очередном шмоне этот блокнот обнаружил старший сержант Сагайдак, он начал задавать мне вопросы, спрашивая, все ли у меня хорошо и какое у меня настроение. Поняв, что он прочитал мой блокнот, я начал активно возмущаться, но он быстро остудил мой пыл, сказав, что солдатам разрешено иметь один лист бумаги, к тому же я вспомнил, в каких выражениях я описывал сержантов и его в частности, и приготовился к

неприятностям. Однако все прошло на удивление спокойно, но блокнот я предпочел уничтожить, во избежание дальнейших провокаций.

Побег в белуге

Прибывали мы в Таджикистан в белугах – это зимняя форма одежды, состоящая из кальсон и рубашки, заменяющих трусы и майку. Когда наш призыв приехал, в роте оставались еще несколько человек с прошлого призыва, дедушек, которые в первую же ночь решили показать наглядно, куда народ попал. Они построили вновь прибывших и начали их "качать". Один из новеньких присев восемьдесят восемь раз из ста встал и стал говорить, что он больше не может. Сержант подошел к нему и начал морально на него давить, в результате чего боец резко побежал из расположения роты в одной белуге и скрылся где-то на территории части. После этого сержант сказал – "да ну их на х..., дурные они какие-то", отправил роту спать, а сам с бойцами пошел искать беглеца. Нашли его только под утро, забившимся в какой-то подвал, дрожащим от холода и голода.

В итоге его отправили служить на прачку, где он и провел следующие полгода, стирая форму на весь гарнизон, а старый призыв поумерил свои воспитательные порывы, и время до их отъезда прошло более-менее спокойно.

День рождения от мамы

Ближе к своему дню рождения, двадцатого декабря, я все-таки смог раздобыть себе телефон и поговорить с мамой. Ушло у меня на разговор восемь минут и пятьсот рублей. За это время я успел сообщить, что у меня все хорошо, вкратце рассказал про часть и условия, и в отличном расположении духа лег спать. На следующий день начали происходить странные вещи. Меня вызвал к себе в канцелярию командир роты и стал расспрашивать про мою жизнь на гражданке: где учился, где работал, кто родители. Рассказав обо всем, я услышал неожиданный вопрос: "Откуда твои родители знают таджиков?" Я не мог понять, про каких таджиков идет речь и говорил, что вообще не понимаю, о чем он говорит. Стоит отметить, что за несколько дней до этого в роте разразился грандиозный скандал: у одного из солдат отец был знаком с командующим Приволжским военным округом, а его мать, почему то решила, что ему плохо живется. В итоге на уши подняли ФСБ, которое вызвало в штаб этого пацана и офицеров роты, где они общались по этому поводу и совместно читали распечатки его звонков и смс, разбирались в недоразумении.

Не добившись от меня внятных ответов, командир роты сказал мне идти за ним и пошел в сторону штаба. Я, теряясь в догадках, последовал за ротным и когда увидел, что мы идем мимо штаба на КПП вообще перестал что-либо понимать. Придя на КПП, ротный приказал мне ждать, а сам сел в одну из двух иномарок, стоящих рядом с КПП, за рулем которой сидел какой-то бородатый таджик. Тем временем ко мне подошел молодой пацан, держа в руке телефон, спросил Юра ли я и передал мне трубку. Сказав "алло», в трубке я услышал мамин голос. Она поздравила меня с днем рождения и сказала, что эти ребята передадут мне три тысячи рублей на

покупку телефона, еды и прочих необходимых вещей. Закончив разговор и подняв с пола челюсть, я еще немного поговорил с молодым таджиком, записал его номер телефона, он, в свою очередь, предупредил меня, что с местными лучше дел не иметь и не общаться, потому что они "плохие таджики", а в случае возникновения проблем звонить ему. Тем временем ротный вылез из машины, и мы пошли в обратный путь до казармы, немного поговорили, он спросил про день рождения (о том, что он через три дня я совершенно забыл) и отпустил меня. С этого времени у меня появился телефон и местная симка, чтобы говорить с Пермью по 1,5 р./мин. и вообще жизнь наладилась. Так я получил самый ценный и необычный подарок на день рождения в своей жизни.

Старый-2

Был у нас в роте пацан, которому было двадцать пять лет, выглядел он на пятьдесят, с редкими зубами, роста 1,55, примерно, весь в морщинах, но жутко накачанный. Подтягивался раз двадцать пять. Родом Старый был с Горного Алтая, где был у Старого дом, конь и баба какая-то. Занимался он тем, что с младшими товарищами грабил дачи, нажитое продавал и так жил. Также где-то приспособился воровать сахар мешками, обменяет мешок сахара на банку самогона – бухает с бабой неделю, потом снова на дело идет. Разговор и поведение – как у крестьян досоветских. Самое любопытное, что призвались мы с ним с разницей в один день, а дни рождения наши вообще совпали. До дембеля мы с ним вместе и дослужили. Когда он уезжал, дал я ему пятьсот рублей в дорогу, чтоб с голоду не помер и больше ничего о нем не слышал.

День рождения от армии

В этот день нас с утра со Старым вывели из строя и официально поздравили. С этого дня сержанты запомнили мою фамилию и халява закончилась. Правда утром нам разрешили не идти на зарядку, но Старый, как настоящий крепостной, не смог просто так сидеть полчаса и стал мыть пол вместе с остальными, кого оставили на утреннее мытье пола вместо зарядки.

Дальше день шел своим чередом до вечера, когда нас взяли в отряд, который отправили на работу на продуктовые склады. Там стояла фура с картошкой, ждущая, когда мы ее разгрузим. Самое интересное, что картошка в фуре была не в мешках, а просто свалена в кучу и это было жестко. Мы выгребали ее всем, чем можно было. Ящики, ведра, тазы, другие подручные средства. Уже через час работы мы были все черные, как негры, а фура не была разгружена даже на четверть. С нами были два сержанта-срочника, которые нас постоянно подгоняли и измученные этой адской работой мы начали на них огрызаться, так что они предпочли замолчать и молча наблюдать за нашим сизифовым трудом. Начав работу около шести часов вечера, закончили мы ее в итоге в час ночи. Не ужинавшие, голодные, злые, черные от грязи, еле передвигающие ноги от усталости мы потопали в столовую. Там нам дали каждому столько картошки с капустой, сколько влезло и по банке сгущенки на человека. Немного подправив настроение, мы отправились мыться из умывальников с ледяной водой, далее спать, чтобы

поспав четыре часа снова встать и продолжить службу. Это был самый тяжелый труд в моей жизни, в процессе его было ощущение, что мы прямо на этой картошке и помрем, никому повторения такого не пожелаю.

Прокуратура и проверка

Подходило время нового года, и в преддверии праздника прокуратура решила провести проверку на наличие в ротах неуставных взаимоотношений. Нас собрали на трибунах небольшого стадиончика части, раздали листочки и ручки и задали семь вопросов. Вопросы были похожи друг на друга, вопрос под номером два был: "Были ли вы свидетелем неуставных отношений в роте?", вопрос номер семь – "Кто именно занимался неуставными отношениями?".

В этот момент я совершил большую ошибку, подумав – "ну да, видел, что такого" и поставив напротив вопроса номер два плюс.

Результаты проверки прокуратуры, как обычно, были полностью противоположны цели. На следующий день нас построил ротный и сообщил, что на вопрос номер два девять человек ответили утвердительно, а один даже указал конкретного азера, и что у нас оказалась самая "криминальная" рота. Думаете, после этого было проведено расследование и в отношении азера приняли меры? Как бы ни так. Нам сообщили, что вместо отдыха в течение десяти выходных дней в начале января мы ежедневно будем бегать марш броски, а вечером нам принесут листочки, и мы будем вычислять девять "сук" по почерку. В этот момент мне стало совсем не весело, и я понял, какую глупость совершил. Один плюсик мог испортить мне оставшиеся полгода службы. Однако мне повезло – в преддверии нового года формировалось усиление, 31 декабря патрулировавшее стены части, следящее, чтобы наотмечавшиеся таджики не наглели. Целый день я провел в очень сильном беспокойстве по поводу вечера. Когда мы вернулись в казарму, то увидели, что мероприятие с листочками уже закончено, двое выявлены, и они проводят новогоднюю ночь не за праздничным столом, а прибираясь в туалете. Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу.

Новый год

На новый год, как я уже говорил, было усиление. К стенам подогнали БТРы, в которых дежурили по три человека, сменяясь каждые три часа. Моя смена была с двух часов ночи до пяти утра, поэтому сам праздник я провел в роте. Из столовой в казарму принесли столы со стульями и тарелки. Составили это все в проходе и стали резать салаты. Тем временем около столовой в огромном казане таджики готовили нам настоящий плов. Сам праздник это десять минут еды, газировка, Медведев в телевизоре и грусть по дому. Сидишь за столом и понимаешь, что все твои родные, друзья сейчас вместе, празднуют. Вспоминаешь прошедшие "Новые года". Накатывает тоска.

Потом выходим смотреть небольшой салют над частью и в час ложимся спать. Через час встаю, иду на позицию в БТР. Там дико холодно, то, что он заведен, его нисколько не согревает, кое-как устраиваемся и спим. В пять меня сменяют, в семь утра общий подъем. Начинается новый год.

Январь.

Праздники. Марш-броски.

В праздники, мы, как и обещал ротный, не отдыхаем, точнее не только отдыхаем, но и бегаем марш броски. Каждый день рота надевает бронежилеты, берет из оружейной комнаты причитающееся по специальности оружие, особенно не везет пулеметчикам и гранатометчикам, и бежит пять километров. Перед ротой бежит молодой лейтенант Крюков в кроссовках и с голым торсом и задает темп. Четыре круга просто бежим, причем, если кто-то отстал – ждем его, отжимаясь. Тех, кто валится с ног, берем под руки и тащим за собой. Параллельно мелкий азер-сержант издевается над итак еле дышащим отделением и заставляет четверых бойцов тащить его на руках. Смотрю на это и хочу его убить. Несколько человек падают и больше не встают – их полу-уводят полу-уносят в больницу. На Последний круг делится на несколько частей – четверть круга идем гуськом, четверть прыгаем на корточках, четверть ты несешь "раненого" товарища на себе, четверть он тебя. Те, кто остался в строю после этого валятся на траву и отдыхают, сердце выпрыгивает из груди. Дальше начинаются спарринги. В голове шумит, картинка немного плывет, раздеваемся по торсу, встаем в круг, и в центр по очереди выходят по двое примерно равных бойцов. Спустя некоторое время настает моя очередь. Противник легче меня килограмм на десять, поэтому убегает от меня всю дорогу, а я бегаю за ним и пытаюсь пнуть его под задницу. Все гогочут, в итоге получается его догнать и попасть вскользь. Еще пару раз вскользь попадаю по лицу. Он, в свою очередь, дважды ловит меня на том, что я бью ногой и остаюсь стоять на одной, оба раза несильно, но в лицо. Падаю, быстро вскакиваю и гонка в стиле "ну погоди" продолжается. Спустя три минуты нас останавливают, жмем руки. Никогда не считал свой удар сильным, но соперник говорит, что "если попадал вскользь, то, как гирей". Приятно. Закончив со спаррингами, идем умываться. И так десять дней.

Антитеррор

С января у нас начался месяц антитеррора. Группа бойцов выходила на построение с оружием, один с рацией, размером со средний телевизор, которая крепилась за спиной, и отрабатывали действия, на случай захвата определенного объекта террористами. В итоге получались тупо перебежки от укрытия к укрытию, с имитацией выстрелов и какой-то командной работы. Но все лучше, чем мыть пол в казарме, хоть какое-то разнообразие.

Стрельбы на Момираке

Стрельбы это отдельная история. День стрельб не похож на любой другой. Начинается все в пять утра, когда тебя будят ранним подъемом и быстро умывшись, ты бежишь в столовую на завтрак, а потом, как правило, как дурак стоишь пятнадцать минут и ждешь, пока проснуться повара. Дальше тебе нужно прибежать в казарму, одеть бронежилет, получить свое оружие (долгая и утомительная процедура стояния в очереди перед

оружейной комнатой) и построиться на плацу перед казармой. Далее тащишь себя и жутко тяжелые ящики с боеприпасами к машинам, которых как обычно должно быть четыре, но по факту только две и запихиваешься в них как селедки в бочку. Полигон расположен в горах и по мере приближения к нему холодает от плюс пятнадцати до минус пяти. Пока едем, в наши грузовики периодически бросают камни и прочую мелочь, но быстро успокаиваются, когда мы достаем наружу стволы автоматов. Приехав на полигон, ты обнаруживаешь, что ветер там не просто режет глаза и пробирает насквозь, а способен сдвинуть шеренгу бойцов с места.

Выезды, в зависимости от цели, были достаточно разные. Первое время были простые стрельбы, где ты получаешь свой рожок патронов и ждешь своей очереди, чтобы отстрелять их и идти дальше мерзнуть. На первых стрельбах солдат открыл огонь без команды и оставшиеся два с лишним часа ползал по-пластунски от машины к машине, периодически получая пинки по каске.

В другой раз мы бежим в гору, отрабатывая тактические передвижения в скалистой местности, натыкаемся на двух пастухов и стадо овец. Долго фотографируемся с ними и хорошо проводим время. Периодически, во время привалов у заснувших солдат исчезают штык ножи или целые автоматы, которые они потом выкупают у ушлых сержантов или тувинцев.

Как-то отправляемся на разминирование. Идем снизу вверх и ищем неразорвавшиеся снаряды, если находим – втыкаем флажки, знаки для команды саперов, которая будет заниматься разминированием после нас, уже по-настоящему.

Как-то раз за нами забывают приехать. Сидим вместе с командирами, мерзнем, ждем. Пока ждем, русский немец Вася Тейзе спорит с ротным, что съест десять сникерсов за полчаса на коробку их же. Съедает и получает заслуженный выигрыш, которым делится с пацанами. Машин все нет, и командиры принимают решение идти пешком – бредем по дороге вниз с горы в сторону города. По дороге перепрыгиваем через горный ручей, отталкиваясь от валуна, лежащего посредине. Незадачливый писарь из Перми Витька Мехоношин поскальзывается и плашмя падает в воду. Дальше бежим, греем Витьку, ну и себя заодно. Как ни странно тот даже не заболел. В итоге, добежав до трассы, видим, что про нас все-таки вспомнили и машины подъезжают. Едем домой.

Самые запоминающиеся стрельбы – стрельбы взводов. Боевые патроны и снаряды, непосредственная близость, ответственность, адреналин. Ну и страх, конечно. Я – старший стрелок. При высадке из БМП командую правой частью отряда. Загружаемся в БМП, движемся вверх по горе. На определенном участке выпрыгиваем из БМП, слева – командир отделения, пулеметчик и его номер расчета. Справа – я, гранатометчик и стрелок. В БМП остается лейтенант, командир боевой машины, наводчик и механик водитель. Бежим вверх по горе до окопов, ведя огонь по мишеням, добегая до окопов ложимся. Рации только у меня и командира отделения, через них команды нам передает лейтенант, а мы орем их дальше вправо и влево. Стреляю,

рядом грохочет БМП. Лейтенант командует "Огонь из подствольника!" Вставляю боеприпас, нажимаю на курок – ничего не происходит. Осечка. Руками достаю снаряд, откидываю его за окоп, вставляю следующий. Нажимаю на курок – "Ба-бах! Полетело!" Перевожу дух, оцениваю обстановку. Все прошло более-менее, никто никого из своих не подстрелил – успех! Загружаемся обратно в БМП, лейтенант по привычке бурчит, но видно, что доволен. Ну и мы довольны тоже, живые.

Контрабасы. Грусть и алкоголизм контрабасов.

Отдельную касту в армии, а в особенности в дальних гарнизонах, составляют контрактники, они же контрабасы. Идут в контрактники по большей части по трем причинам. Первая – потомственные военные или люди, прошедшие боевые точки. Знают, чего от службы ждать и ведут себя адекватно. Вторые – те, кто не пригодился на гражданке. Такие "Иванушки-дурачки", которые умеют только лежать на боку и чесать пузо. Для них в армии кайф – делают все срочники, а они жрут, спят и деньги получают. Красота! Третьи те, кто в России имел проблемы с законом и решил, таким образом, эти проблемы решить. Эти самые неприятные типы, лучше стараться обходить их стороной.

Наши контрактники, прибывшие в Таджикистан, были всех трех категорий. Однако те, кто думал, что едут практически на войну сильно ошибались. Кроме скуки и дня Сурка их тут ничего не ждало. Поэтому они начинали с удвоенной силой бухать, за что выхватывали приличных люлей от командования. Например, одного контрактника, предупрежденного несколько раз, наш ротный методично избивал с командиром первой роты в туалете на протяжении часа. После этого он не выходил из казармы около двух недель, пока не пришел в более-менее товарный вид. Другой начал бухать и "синий" был не адекватен, пока с ним не поговорил ротный и не дал ему еще один шанс, назначив командиром отделения. Получив ответственность хоть за что-то он изрядно изменился и стал похож на нормального бойца, а не на агрессивную безмозглую кучу плоти.

Ночные гонки на бмп

Наш ротный, с уже упомянутым командиром первой роты тоже были изрядные любители прибухнуть. А прибухнув им хотелось веселиться. Любимое развлечение наших командиров заключалось в следующем: заводилась БМП, на которой они с диким ржачем гоняли по части за пешими патрулями, которые только и успевали разбегаться в стороны. Как говорится, мы развлекались, как могли. Кстати, буквально через несколько дней после моего отъезда из части, дежурный по части решил сыграть в какую-то странную игру со своим помощником, в результате которой, помощник выстрелил ему из боевого пистолета прямо в лоб. Конец немного предсказуем. Так-то!

Крюков и собака

Самым показательным примером ублюдочности армейского воспитания был наш командир взвода – лейтенант Крюков. Потомственный военный, выпускник с отличием Кремлевского училища, маршировавший по красной площади. А по совместительству маньяк со съехавшей крышей. Однажды ребята пошли с ним в караул. Лейтенанту чем-то сильно мешала дворняга, которая обитала где-то на задворках территории, охраняемой караулом. Он поставил ей миску еды, подождал, пока собака начнет есть, а потом выстрелил в нее. Выстрелом собаке перебило задние лапы и, посмотрев на нее еще некоторое время, товарищ Крюков приказал одному из караульных её повесить.

Февраль.

Ранняя весна

Весна в Таджикистане начинается рано. Несмотря на то, что мы попали на самую холодную зиму за многие годы, минусовая температура у нас держалась недели две, при этом днем все равно было около нуля.

Как-то раз в начале февраля оказался я в наряде по ГСМ. Всего в наряде было три человека, дежурный и два дневальных. Соответственно, обедать мы ходили по схеме сначала двое, потом один. Вышло так, что этим одним был я. А в столовой у нас были показательно сделаны десять красивых крючков для бушлатов, куда вешать их никому не давали. В реальности все солдаты снимали бушлаты перед столовой, скидывали их на землю в кучу и шли обедать, а двое солдат оставались эту кучу охранять, потом их сменяли. Мой бушлат, естественно, охранять было некому, а пойти без него я не рискнул, боясь нарваться на офицеров. В итоге, когда я вышел из столовой моего бушлата, конечно, уже и след простыл и это был кошмар. Вариант достать себе новый был по сути один.

Вечером я договорился со Скитлзом, профессиональным вором на гражданке, что он утащит мне бушлат у другой роты за небольшую мзду. Бушлат он благополучно мне "родил" и моя проблема решилась быстро, переложенная на чьи то другие плечи. Такие дела.

Неделя боевых тревог

Два раза в году, осенью и весной, в армии проводится неделя боевых тревог. Очень интересное мероприятие, максимально повышающее тонус и приближающее часть к состоянию боевой готовности. Заключается оно вот в чем.

После утреннего развода, рота возвращается в казарму и "ложится спать". То есть полностью раздевается, складывает обмундирование на табуретки и залазит в кровать. Далее, через произвольный промежуток времени в течение получаса из штаба поступает звонок с сигналом боевой тревоги. Дежурный по роте принимает звонок, оповещает о нем дневального, который начинает истошно орать "Тревога! Тревога! Тревога!" Все резко подрываются со своих кроватей, завешивают одеялами окна, чтобы не было видно по кому стрелять, видимо, и начинают судорожно одеваться и собираться. Из казармы надо вынести ВСЕ, за исключением мебели и постельного белья. Под постоянный мат сержантов ты одеваешься,

скидываешь все вещи в вещмешок, надеваешь бронежилет и каску и бежишь в оружейную комнату, перед которой уже столпился народ, получать свое оружие и ящики с патронами.

В течение семи минут рота должна вынести из оружейной ВСЕ оружие (а это кроме, собственно, автоматов - подсумки, рожки, подствольники, гранатометы, ящики с оружием и т.д.) и выстроиться на плацу перед казармой. После быстрой проверки, все бегом выдвигаются в район формирования боевых колонн, где, теоретически, должны запрыгнуть в технику и уйти на марш. На практике же, пока пехота выбиваясь из сил бежит на место сбора, механики не могут завести технику, которую давно пора сдать на металлолом. В итоге мы, прибежав, стоим и ждем, пока хоть что-то заведется и выползет. Особенно забавно смотрится БМП которое едет с идущим из него большим столбом дыма. Когда технику все-таки удается выгнать, мы моделируем посадку в нее и отправляемся обратно в казарму.

Это происходит дважды в день, в течение семи дней и к концу ты чувствуешь себя выжатым лимоном, пропущенным через мясорубку.

Также, в эти моменты начинаешь особенно ненавидеть каличей, лежащих в больничке, когда вместо одного автомата и подсумка, на тебе оказываются еще три-четыре, принадлежащие больным.

Ооржак и нож. Принцип наматывания.

В один из таких дней, мы шли ускоренным шагом в район формирования колонн, в левой руке у меня был ящик с боеприпасами, правой рукой я придерживал автомат, а на поясе у меня болтались два штык-ножа, один мой и один нашего писаря. Внезапно я почувствовал какое-то движение у своего пояса и успел заметить как один из тувинцев, Ооржак, вытащил у меня нож. Оказалось, что у штык-ножа писаря порвалась тесемка, и нож можно было легко вытащить. В обычных условиях, после такого случая с солдата могли потребовать несколько тысяч, для возвращения имущества и ему ничего не оставалось делать, кроме как платить. Меня спасли неплохие отношения с Васькой-немцем, при посредничестве которого мне удалось договориться с Ооржаком и вернуть штык-нож обратно за две пачки сигарет. После этого случая я стал еще внимательнее относится к своим вещам. Кстати, даже сейчас, на гражданке, всегда, когда я езжу в общественном транспорте или захожу в место со скоплением людей, я первым делом кладу руки так, чтобы легко можно было почувствовать, если кто-то вознамерится у меня что-то стащить из карманов или сумки.

Наряд ГСМ

Как в России, так и в Таджикистане, большинство из солдат ходили в наряды. Одним из них был наряд по ГСМ. В обязанности входило патрулирование территории "заправки", которая находилась на территории части. Там же была расположена вышка. Т.е. в теории один из дневальных должен был непрерывно обозревать территорию с высоты, а второй совершать непрерывные обходы. По факту же получалось так, что мы с Костей покупали себе каких-нибудь "ништяков" и проводили сутки за разговорами. Эти наряды, как и ночное патрулирование, о котором дальше,

существенно облегчили нам остаток службы, позволяя отвлечься от казарменных дел и вырваться из унылого однообразия армейских будней.

Лечение зубов

Если у тебя болел зуб – это было плохо. Очень плохо. Потому что проблемы с зубами здесь решали одним способом – увозили в город к каким-то местным таджикам, которые этот зуб у тебя вырывали. Ребята, побывавшие там, рассказывали, что делается это все без наркоза и при вырывании некоторых держали втроем, пока они орали от боли.

Скитлз и сгущенка

Про Скитлза я уже упоминал в истории с украденным бушлатом. Однажды, нас послали на разгрузку машины с продуктами, пришедшей на территорию части. Помимо прочего в ней стояли ящики со сгущенкой в банках. В процессе разгрузки, Скитлз залез в грузовик и быстро и незаметно выпихнул оттуда ящик, который быстро убрали в сторону, а сам сел сверху, закрыв дыру ногами. Ящик мы благополучно вынесли, но интересное было после. Весь ящик поделили между собой сержанты, решившие, что нам хватит и по банке на пятерых. Недовольство этим в роте чуть не привело к бунту, народ уже собирался наплевать на все и идти бить сержантский состав, но в последний момент они, видимо что-то почувствовав, пошли на некоторые уступки, и у нас не хватило наглости и сплоченности, чтобы пойти наперекор носителям сержантских лычек. И дальше все пошло по-старому.

Старшина и отжимание с «перцем» на спине

В принципе, живя в определенных условиях, рано или поздно ты к ним привыкаешь. И к самим условиям и к сопутствующим им отношениям, например. Однако иногда случались вещи, выходящие из ряда вон даже по меркам Кулябского гарнизона.

Был у нас товарищ Чайкин, по прозвищу Танкист. Танкистом его называли, потому что служить он хотел в танковой роте и на гражданке выпилил себе ножовкой на ноге свое прозвище. В армии он, тем не менее, попал в пехоту. Был немного не от мира сего, но в целом обычным добрым пацаном, относящимся к происходящему как к неизбежному и с юмором.

Однажды Танкист как-то провинился перед Старшиной и тот в наказание заставил его отжиматься. После нескольких десятков отжиманий одному из "перцев", наблюдавших за экзекуцией, показалось, что в занятии не хватает веселья и он прямо в сапогах встал Чайкину на спину, а Старшина поржав приказал ему отжиматься с "перцем" на спине. Отжиматься он, конечно, не смог, и некоторое время лежал пластом на полу, а на нем стоял довольный и веселый "перец", ростом два метра и весом под центнер.

Каптер-растаман и испытание бутылкой

Близость афганской границы располагала к повышенному наркотрафику. По факту, на территории части через местных "бачей" было довольно просто достать все, что душе угодно и большинство из служащих нещадно дули траву. В каждой казарме существуют каптерки (кладовые) и каптеры, из числа солдат, которые ими заведуют. Наш каптер был долговязый, добродушный молодой пацан и это сослужило с ним не добрую службу.

Как-то раз армяне из соседней роты очень настойчиво напросились к нему в каптерку покурить траву, уж не знаю, то ли их так накрыло, что они совсем забили на осторожность, то ли что, но в итоге в тот же вечер наш Старшина нашел в каптерке бульбулятор. Каптера вызвали в канцелярию, где на глазах офигевших писарей начали требовать его сдать тех, кто там курил, а после отказа стали избивать. Понимая, что если он сдаст армян, ему будет не выжить в этой роте, каптер держался и не кололся. Через некоторое время, ротному это дело надоело и он, вместе с лейтенантом Крюковым, приказал спустить с каптера штаны, взял в руки бутылку из под пива и предложил выбирать – "Либо сдать тех, кто курил, либо оказаться с бутылкой в заднице". Каптер, которому к тому моменту уже сломали ногу, все еще не верящий в происходящее молчал, и офицеры начали вставлять в него бутылку. Тут он уже не выдержал и рассказал, кто, что и как и был отпущен в расположение роты. Смотреть на него было страшно, следующие несколько недель он просидел в расположении, пока, после заживления своих болячек, не был отправлен на родину. О подробностях произошедшего нам рассказали писари.

Механ отказывается мыть пол

С самого начала службы в Кулябе так сложилось, что в роте появилась привилегированная группа солдат, "перцы", которые не мыли пол, не мели улицу, не прибирались и не выполняли никакой "грязной" работы. К февралю это разделение было уже устоявшимся, и никто его не нарушал. Тем удивительнее было, что в одно из утр, физически сильный механик-водитель с чего-то решил отказаться прибираться со всеми и мыть пол, хотя до этого проблем с ним не возникало. Увидев такую наглость, "перцы" и сержанты в количестве нескольких человек с помощью физической силы быстро объяснили ему, что он не прав, потому что "ну ты же мыл хоть раз? – мыл – ну и че тогда вы…делываешься?". Отсюда вывод: если ты хочешь быть в числе "перцев" и не заниматься тем, чем не хочешь, а напрягать вместо себя других, нужно ставить себя так с первого дня. Если же не поставишь, то дальше тебе уже ничто не поможет попасть в их группу, кроме достаточно больших денег, которые ты будешь тратить на угощение всей (или существенной части) группы.

Март.

"Умер от сердечной недостаточности"

Прибывая в Душанбе перед отправкой в место дальнейшей службы каждый солдат обязан был пройти медицинскую комиссию. Соответственно, некоторые ребята оставались в госпитале в Душанбе и присоединялись к своим частям через некоторое время, после того, как долечивали свои болячки. Так было и с парнем, который прибыл в наш гарнизон в третью роту после госпиталя. Нужно уточнить, что мало того, что пехота считается наиболее жестким армейским подразделением, кроме разведки и спец подразделений, третья рота пехоты в нашем гарнизоне была самая адовая. Их качали все время. Выходишь на завтрак – они стоят в упоре лежа, готовишься к отбою, смотришь, а они опять стоят в упоре лежа. Мы им, мягко говоря, не

завидовали. И вот, однажды вечером по гарнизону поползли какие-то непонятные слухи о том, что произошло что-то чрезвычайное. Дальше, со слов очевидца, служившего в этой роте.

Вечером новоприбывшего солдата решили покачать, нормальная практика, но солдат оказался слабеньким и вместо прокачивания его начали избивать. Дальше никто точно не знает, но, похоже, после экзекуции он вышел из казармы и пошел в сторону стены, ограждающей гарнизон, где его позднее и нашли еще теплого, с синяками и следами ушибов. Обнаружили его пропажу через некоторое время и, вместо того, чтоб отправить роту на поиски, поставили ее на час в упор лежа, чтоб неповадно было и чтоб были злее, когда найдется. В итоге, возможно, если бы парня нашли раньше, могли еще успеть его откачать. Случай объявили несчастным и списали все на сердечную недостаточность. Гроб отправили домой, в Киров и, так как парень был сиротой, спокойно все замяли. Хотя, после того, как гроб пришел в Россию в интернете появились отзывы, рассказывающие о том, что люди видели гематомы на его теле. В принципе, таких историй в интернете полно, когда людей забивают до полусмерти, потом выставляют это несчастным случаем и виновным ничего за это не бывает.

Выборы-выборы, Путин - … президент

Четвертого марта две тысячи двенадцатого года должны были состояться выборы президента России. И по этому случаю за неделю до них в наш отдаленный гарнизон пожаловала какая-то крупная шишка из командования Приволжского округа. Перед его приездом были пять раз заново побелены все деревья и бордюры, а дороги были вылизаны настолько, что с них можно было есть. Собрали нас всех в столовой, и этот господин полтора часа рассказывал нам, какой хороший Путин, как он помогает армии, как при нем армия стала замечательно жить и так далее.

Наступил день выборов. Нас стройными рядами повели в здание, где устроили местный избирательный пункт. Каждый солдат заходил, брал бюллетень и ставил крестик или галочку напротив фамилии Путин, после этого показывал бюллетень офицеру стоящему рядом и опускал ее в ящик. В итоге по нашей части Путин набрал девяносто девять с лишним процентов, самым стойким оказался наш старшина, который единственный из роты голосовал не за Путина, а за коммунистов.

Ножницы в бок

Было обычное дождливое воскресное утро. Сходив на завтрак, рота расположилась в казарме и неспешно занялась своими делами. Как вдруг, в бытовке началась какая-то возня и почти тут же крики. Оказалось, что два азера из нашей роты что-то не поделили и один из них, который любил укуриваться, воткнул другому, который был командиром моего отделения, в бок ножницы.

Сразу после ЧП в казарме появились офицеры, с вопросами о случившемся. По понятным причинам никто ничего говорить не стал, все "ничего не видели, не слышали, не знаем". Поняв, что сдаваться рота не собирается, офицеры приказали надеть всем ОЗК (Противогаз, сапоги, плащ,

все резиновое) и построиться на плацу. Вот тут-то всех и ждал сюрприз. Вместо положенных ста комплектов в шкафу лежали жалкие пять штук.

Распродажа ОЗК и наматывание на контракт

В процессе дознания оказалось, что группа товарищей, действуя по предварительному сговору, толкнула ОЗК местным таджикам за какие-то копейки и потратила выручку на сладкие булочки. Отдельно стоит отметить, что в Таджикистане ОЗК считались дефицитом, а в России, в Самарской области, где я дослуживал эти комплекты гнили целыми складами никому не нужные и никем особо не охраняемые.

"Группе лиц" был поставлен ультиматум – либо они выплачивают деньги за ОЗК, заказывая деньги из дома, либо подписывают контракты, и часть зарплаты ежемесячно переводят в счет погашения долгов. Ребята уже стали готовиться к тому, что из-за желания съесть что-нибудь сладкое они продлят свое пребывание в Кулябе на три года. Однако, спасли их наши депутаты, как оказалось, принявшие закон о том, что служить по контракту могут только лица, закончившие одиннадцать классов. Из "группы лиц" полную среднюю школу не закончил ни один.

Упражнения в ОЗК для «перца» и контрабаса

Примерно в это же время происходила еще одна увлекательная история. Двое необремененных интеллектом сослуживцев решили подписать контракты и на этой радостной ноте начали водить своих сержантов и друзей в кафе при чипке, заказывая еду в счет будущих зарплат, в долг. Буквально за месяц у каждого появился нехилый счет примерно на десять тысяч рублей. А потом они узнали об этом законе и поняли, что попали. Пришлось командиру роты заставлять их звонить домой с просьбой перевести денег, потому что если ты был должен таджикам, улететь домой было крайне тяжело. Людей вывозили в багажниках, в БТРах, снимали с трапа самолета. В общем, были разные прецеденты. И вот, после этого случая, ходить в чипок было запрещено всем, как срочникам, так и контрактникам. Но перцы на то и перцы, чтобы быть не как все, правильно? Один особенно здоровый и наглый перец (стоявший на отжимающемся Танкисте) наплевал на приказ командира роты и пошел с контрактником обедать в чипок. Действительно, не с чернью же обычную баланду хлебать. Их там благополучно застукал командир роты и понеслась. На них были одеты ОЗК и противогазы, за спину вещмешки, набитые камнями и в таком виде они отправились на полосу препятствий, где ползали, бегали, прыгали до ужина. Стоя в ожидании своей очереди на ужине, я наблюдал, как они проползают мимо по-пластунски и перец говорит контрактнику, что хочет сдохнуть и сожалеет о своей самонадеянности. Честно, эта картина радовала не меньше приближающегося дембеля.

Разбитая бровь

Как-то раз мы были на очередных стрельбах в горах. Был весенний день, пригревало солнышко, блестел снег, горы патронов были отстреляны и два отделения стояли и наслаждались погодой. Однако командирам

отделений было скучно и они решили себя развлечь. Поэтому командиром соседнего отделения был дан шутливый приказ захватить "вражескую", то есть нашу, высоту. Шутки шутками, а приказ выполнять надо и отделение пошло в бой, дошли до нас, начали потихоньку толкаться и слово за слово, началась настоящая драка. В процессе этой драки я, поворачиваясь, увидел, как мне в лицо летит что-то металлическое. Оказалось, мой оппонент не мудрствуя лукаво, зарядил мне по лицу каской. А у касок армейских острые края, не зря на них в основном и списывают все полученные травмы, и называют их каски-убийцы. Получив сильный удар каской, моя бровь не выдержала трагедии и взорвалась фонтаном крови. Все резко остановились, кто с удивлением, кто с ужасом, а кто, с веселым прищуром разглядывая алую кровь на белом снегу. Я был сразу же отправлен к офицерам, где один из них глубокомысленно заявил – "Дааа, точно зашивать надо". Однако так как кровь уже остановилась, они отнеслись к инциденту достаточно пофигистично и какое-то время я щеголял дырой в брови, размером с гранд каньон, пока она потихоньку не заросла сама собой, оставив шрам, который сейчас практически не виден.

Разбитая губа

Фраза "язык мой враг мой" появилась совершенно не случайно и для некоторых, для меня, например, может считаться жизненным девизом. В принципе и на гражданке неплохо бы сначала думать, а потом говорить, ну а в армии то тем более.

Было очередное занятие физкультурой, на котором мы бежали кросс. Для этого дела нам даже выдали кеды, правда к ним не выдали носки, но кого в армии волнует, что с портянками кеды не наденешь. Приходилось надевать эти старые, вонючие, затасканные предметы армейской роскоши на голые ноги, надеясь, что грибок обойдет тебя стороной. Бежали мы уже третий круг, и тут я стал свидетелем диалога между сержантом Сагайдаком, контрактником и младшим сержантом Зайцевым. Сержант Зайцев, к слову, был не дурак в свободное время дунуть "афганки" и несколько пристрастился к этому делу. К сожалению, деньги на нее или возможность ее достать у него были не всегда, и иногда он не курил несколько дней. В такие моменты у него резко портилось настроение, его злили любые мелочи, а так как он был представителем власти, мог позволить себе срываться на того, на кого ему хотелось. Дак вот, вернемся к диалогу. Сагайдак сказал – "ну что, заканчиваем или еще кружок?" На что я, довольный погодой, кедами, настроением и вообще не задумываясь, сказал – "конечно, побежали еще круг". На что Зайцев, ни слова не говоря, затормозил, развернулся ко мне и со всей силы ударил меня в лицо. (За то, что я вмешался в разговор двух представителей власти.) Надеюсь, на гражданке какой-нибудь мент вернул за меня должок, приняв его за траву или героин. Попал этот товарищ в губу, которая, как и бровь, не смогла выдержать такого удара. Начала обильно течь кровь, я побрел в сторону казармы и обнаружил, что в казарме отключили воду. Пришлось мне оторвать у себя подшиву и останавливать ей кровь, стараясь не заляпать форму и ждать включения воды. Вечером командир

нашего взвода спросил, что у меня с губой, на что я ответил, что прикусил ее, играя в баскетбол. Офицер поржал и заметил, что, похоже, я пытался ее съесть, но сильно докапываться до правды не стал, итак все прекрасно понимая.

Танковая рота и самострел в карауле

В конце марта к нам из Душанбе перевели танковую роту. Слухи о причинах перевода быстро разлетелись по гарнизону. В Душанбе произошла трагедия. Караульный разводящий, младший сержант, накануне караула узнал, что его бросила девушка, и был в подавленном состоянии. Несмотря на это, психологи, обязательную проверку у которых проходят все бойцы перед несением караула, не нашли причин для его замены. Это и привело к печальным последствиям. В процессе развода сержанта видимо переклинило, он сообщил товарищу, что планирует застрелиться и, зачем-то, побежал за угол. Бросившийся за ним товарищ услышал – "Стой, а то и тебя завалю" и остановился. Сержант забежал за угол, послышались выстрелы. Как впоследствии узнали, он вставил себе автомат в рот и нажал на курок.

Апрель.

ОРТ

В апреле к нам в роту приехало ОРТ. Снимали новостной репортаж о том, как российские части в Таджикистане помогают местным жителям справляться с последствиями селевых потоков, сходящих с гор. Роту поделили на две части. Одна часть, в которой был я, пол дня занималась тем, что выбегала из казармы, красивым строем пробегала мимо камеры, отрабатывала команды «смирно» - «вольно» и погрузку в машины. Вторую часть увезли на полигон, выдав им лопаты, ломы и прочий инвентарь. Мы были в курсе приезда телевизионщиков заранее, и я смог сообщить родителям о том, что в этот день нас будут показывать по центральному телевидению. В итоге родители, а также, как минимум, бабушка увидели меня, пробегающего мимо камеры. Приехав домой, я очень долго искал этот сюжет и спустя несколько лет все таки его нашел, было интересно пересмотреть и увидеть знакомые лица на федеральном канале, с которыми ты провел бок о бок почти пол года.

Сбежавший Махмут

В день приезда телевизионщиков один незадачливый башкир решил воспользоваться ими по-своему. Когда ОРТ уехало, и офицеры стали пересчитывать личный состав, оказалось, что одного солдата не хватает. Поскольку все знали, что у нас периодически таджики воруют солдат, через стены гарнизона, все понимали, что положение очень серьезное. Оставшись без ужина, рота во главе с контрактниками без особой надежды на успех прочесывала гарнизон метр за метром. Когда на поисках остались одни контрактники, рота стояла на взлетке и зачитывала хором устав, в наказание за Махмута, а десять человек, включая меня, готовились к ночному патрулю, в расположение роты завели грязного и оборванного Махмута. Оказалось, что

ему просто "надоела армия" и он ушел в дальний конец гарнизона, где просто проспал весь день.

В наказание за это на него надели бронежилет и каску, дали деревянный автомат и штык-нож и поставили у канцелярии, где он должен был спрашивать у каждого входящего цель визита и учить устав, а вечером рассказывать его ротному. Но Махмут все не желал успокаиваться и продолжал «хитрить». Он вытащил пластины из бронежилета и тем самым облегчил его вес, что, естественно, заметил ротный. За эту шалость, он надел на него второй бронежилет. В итоге к концу третьего дня после происшествия он стоял уже в трех бронежилетах и выглядел очень смешно. После того, как он с грехом пополам подучил устав, офицеры приставили к нему самого большого контрактника, который должен был сопровождать его везде, а также дали в руки шестнадцати килограммовую гирю, с которой он ходил везде, и на обед, и на построения, над чем угорал весь гарнизон. Помимо этого в его обязанности входило ежедневно выкапывать за казармой «могилу» 2*2*2 метра, а вечером рота присутствовала на «похоронах» листов блокнота, который у него нашли, где он на все лады материл командный состав и армейские устои. Сослуживцы кидали в могилу листочек, потом каждый бросал горсть земли и получал за это конфетку.

Пройдя через все это веселье, он таки был отправлен в Россию с первой частью солдат, но наверняка его еще долго вспоминали в Кулябе.

Сбежавший Якут

Помимо службы собственно в самом Кулябе, небольшую часть солдат, примерно десять человек, отправляли служить на полигон Момирак. Там они занимались тем, что чинили технику, ставили мишени и готовили полигон к стрельбам. Помимо этого они, как и большая часть молодых пацанов, не блещущих умом, постоянно пытались незаметно забухать. Выходило у них это далеко не всегда. В том смысле, что забухать-то выходило, а вот незаметно, отнюдь. Офицеры на Момираке были жесткие и чувствовали себя местными королями, да и прокуратура до туда доезжала еще реже, чем до Куляба. Так что за каждую свою провалившуюся попытку, незадачливые бойцы получали совершенно реальные удары по своим жаждущим алкоголя головам.

И вот однажды, не выдержав очередного особо сурового наказания, Якут решил – "хватит" и сбежал. Не знаю, на что он надеялся, но убежал он не очень далеко, на границе с Афганистаном его заловили патрули и доставили в часть. Здесь его посадили на импровизированную "губу", заменяющую те, советские, которые сейчас отменены. Это была каморка два на два метра, где он сидел неделю, до того момента, пока нас не увезли для отправки в Россию. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Отправка в Россию

Дембель неумолимо приближался, и мы стали готовиться к отправке в Россию. Искать имущество, потерянное за время службы в Таджикистане,

для укомплектования перед отправкой. Кто не мог найти имущество, находил деньги на него. Назначили день х, и когда этот день наступил, чувства были просто волшебные. С утра был еще один общий смотр, но, во-первых, я был полностью укомплектован, а во-вторых, все понимали, что все равно уже списки не изменят. Грустно было прощаться с Костей, он оставался еще на месяц. Радостно было возвращаться на родину. Мы погрузились в автобусы и, последний раз посмотрев на гарнизон, выехали в Душанбе. На этот раз тумана и снега не было, были зеленеющие поля и фисташковые деревья, все вместе походило на картинку заставку Windows и смотрелось очень красиво. Ехали мы день и к вечеру прибыли в пункт назначения.

Душанбе

По прибытии нас разместили в походных палатках, и три дня нас практически никто не трогал, мы были предоставлены сами себе. Офицеры говорили – "Наслаждайтесь, это самые халявные дни вашей службы" и так оно, в принципе и было, да и оставалось до дома двадцать шесть дней. Финишная прямая.

Но все не могло пройти так просто и безоблачно. В Кулябе каждому из нас платили от восьми до шестнадцати тысяч, в зависимости от звания и должности. Я, например, получал двенадцать. При этом девять тысяч каждый месяц переводили мне на счет, которым я мог воспользоваться только по прибытии домой, а три выдавали на руки, и офицеры и сержанты это знали. Наши бравые офицеры, через наших сержантов решили напоследок еще раз собрать со всех дань. Точнее, они переложили эту почетную обязанность на сержантов, которые начали трясти личный состав, угрожая, что в случае отказа мы можем и не улететь. Просили, как я потом узнал от ребят, от одной до трех тысяч рублей с каждого. У меня просили одну. Так как дом был уже близок, и не хотелось идти на уступки, я сначала отказался отдавать деньги, сержанты стали угрожать, что я могу и не улететь, а даже если и улечу, в России попаду с ними в один взвод, и мне будет плохо. Время для размышлений дали до вечера. Взвесив все за и против, и на самом деле порядком устав от сопротивления, я решил, что тысяча рублей это не те деньги, ради которых стоит рисковать за месяц до дома и отдал их.

Аэропорт Душанбе – Аэропорт Самара

Улетали мы рано утром. Напоследок полковник толкнул нам тягомотную речь, сказав, что хочет напоследок еще немного нас помучать и мы выдвинулись в аэропорт. Дальше я столкнулся с историей, о которой прочитал месяц спустя в газете, в поезде, везущем меня домой. При пресечении таджикской границы, таджик спрашивает тебя, есть ли у тебя деньги, и просит показать. Если ты показываешь, он берет у тебя произвольную сумму, как правило, около тысячи рублей, и ты, не понимающий, что только что произошло, идешь дальше, лишь бы покинуть эту гостеприимную страну. Эту историю рассказывал журналист. Многие наши тоже попались, но я, заранее наслышанный об этом, говорил, что денег у меня нет, и упорно настаивал на этом. В итоге он плюнул, поняв, что за

мной идет еще целая толпа народа, и я прошел в зал ожидания, с надеждами на то, что по прибытии в Россию мне не придется дослуживать двадцать шесть дней, а можно будет договориться с командованием местной части за определенную сумму. Однако ожидания наши не сбылись, командир сказал, что вы мне вообще-то нафиг не нужны, но не могу – прокуратура. Пришлось напоследок познакомиться с еще одним местом службы.

Прибытие в Чапаевск-36

По прилету в Россию первым делом чувствуется другой воздух. Видишь березы, чувствуешь ветер и сразу понимаешь, что ты дома. Мы завистливым взглядом проводили ребят, дата дембеля у которых наступила еще в Таджикистане и которые из аэропорта отправлялись на вокзал, чтобы отправиться домой. Погрузились в Уралы и поехали в новую часть, гадая, какой она будет. Ожидания примерно совпали с реальностью. Привезли нас в часть, которая была филиалом большой Екатеринбургской части и доживала последние дни. Состояла она из казармы, свежеотремонтированной, клуба, не ремонтировавшегося никогда, столовой и бани. Сам Чапаевск был небольшим военным городком, выросшим около этой части. Размещались в ней две роты РХБЗ. По приезду нас раскидали по этим двум ротам, и мы пошли заселяться. Казарма удивила нас своей новизной и чистотой, при входе все переодевались в тапки. В ней, естественно, была кубриковая система, причем с односпальными кроватями, так что на последок я успел пожить с комфортом. Отношение со стороны офицеров к нам было в целом нормальным, за исключением нашего молодого ротного, который ездил на Volvo s80 и сетовал на то, что привезли ему каких то "Таджиков", с которыми еще надо что-то делать. Зато со стороны обслуживающего персонала оно было просто прекрасным, например, женщины за раздачей в столовой накладывали по несколько порций, причитая, какие тощие "Таджики". Также в пешей доступности были магазинчики городка, куда нас отпускали без особого присмотра, и где можно было купить нормальных продуктов. В общем в целом нам повезло. Если по прилету из Таджикистана я весил около шестидесяти шести килограммов, то домой приехал уже с семьюдесятью двумя.

Май.

Снова снаряды

Занятие нам офицеры все-таки придумали. Оказалось, что рядом с этой частью есть рампа, куда начали поступать составы с боеприпасами, так что нам пришлось вспомнить начало службы и такелажничество. Правда, объемы были несопоставимы, однако даже их мне хватило, чтобы надорвать спину. Но к этому времени я был уже не молодым мальчиком, ничего не понимающим и боящимся всего и всех. Поэтому, когда старшина (а здесь он не был похож на бетономешалку, а был тощим мужиком лет сорока пяти) начал орать, чтобы я шевелился и разгружал ящики, он был послан по известному адресу и ничего за это сделать не мог. В итоге я разгружал их, пока мог, чтобы помочь товарищам, но когда чувствовал, что спина уже на пределе, занимался какими-нибудь менее физически напряжёнными вещами.

В итоге разгрузка заняла у нас всего около семи дней, что после четырех месяцев Оренбурга казалось плёвым делом.

Плиты для генеральской дачи

Закончив со снарядами, мы были отправлены на разбор бывшей вертолетной площадки. Нам выдавались ломы и перчатки, которые протирались за минуту, и мы выдалбливали в бетонных плитах кольца, по углам, за которые в дальнейшем цеплялись крючья и плиты грузились на машины. Эти машины, по слухам, далее отправлялись на дачу к какому-то генералу, где он их в дальнейшем использовал по своему усмотрению. Самое печальное было то, что из-за ломов на руках образовывались огромные мозоли, и это было жутко неприятно и больно.

Сарыглар и тувинцы

В целом достаточно мирную картину омрачали тувинцы. Ничего особенно нового они не делали, занимаясь мелким рэкетом. Отжать продукты, деньги, телефон, все это мы уже проходили и это обычные издержки армии, которые некоторое время меня практически не касались. Зато потом все-таки коснулись. Я купил себе местную симку и решил подключить безлимитный интернет. Каким-то образом об этом прознал самый звероподобный и наименее говорящий из них, по фамилии Сарыглар. Он пришел ко мне после отбоя, залез на кровать и начал говорить – дай. Некоторое время мы с ним препирались, но отдавать ему симку я был не намерен, потому что было бы обидно вот так сразу ее потерять. Препирались мы до тех пор, пока он не достал ножик. Я понимал, что вероятнее всего он ничего мне не сделает, потому что все-таки какие-то зачатки мозга в голове у него есть, но, в итоге, в очередной раз, решил не рисковать и договорился с ним, что он возьмет ее попользоваться с возвратом. Возврата никакого, конечно, не было, было обидно, но дом был уже близок, и все остальное становилось вторичным и практически несущественным.

Последние дни

В последнюю неделю перед дембелем наша рота успела выиграть чемпионат части по футболу, я почувствовал, насколько легче бегать по полю веся семьдесят килограмм вместо девяносто шести. Ходили в необременительные наряды, которые съедали оставшееся время, курили по ночам в туалете и смотрели в окно в сторону Перми. Первыми из роты увольнялись тувинцы двенадцатого мая, и вся их толпа с ором провожала их до ворот части. Старый увольнялся семнадцатого мая и напоследок с ним случилась неприятная история. На вокзал за билетом его повез офицер и по пути их тормознули менты. Они были не пристегнуты и с них взяли пятьсот рублей. После этого офицер отобрал у Старого дембельскую форму, которую он готовил для парадного возвращения домой и сказал, что вернет ее, когда тот найдет ему деньги. В итоге Старый остался без денег, а наше государство хоть и обеспечивает солдата билетом до дома, не особо задумывается, как он будет питаться в пути. А так как Старый был с Алтая ехать ему было около трех суток и что есть, было не понятно. В общем, я дал ему денег на дорогу,

от которых он долго отказывался и надеюсь, что добрался до дома он нормально.

ДМБ

История с моим уходом домой тоже получилась веселая. Приближался день увольнения, а о том, как мы будем уезжать, никто не думал. Восемнадцатого мая увольнялись трое. Я и Дима из Перми, и пацан из Иркутска. Утром, на разводе, ротный говорит – увольняются двое. Мы в шоке. Говорим – "Трое, трое же увольняются". Он подумал, почесал голову…в общем про парня из Иркутска просто забыли и ему пришлось провести в армии на сутки больше. Мы же выловили ответственного за нас офицера и, ругаясь, все-таки заставили его поехать на вокзал. Приехав, мы обнаружили, что остались последние два билета на поезд, прибывающий в этот день и, перекрестившись, взяли их. Приехав обратно в часть, мы попрощались с ребятами, собрались и стали ждать время отправки.

За мной к части приехал мой армейский сослуживец Серега из Самары, офицер не хотел меня отпускать к нему в машину, но он договорился. Мы загрузились в две машины и поехали. Остановившись на заправке, я вышел из машины, скинул с себя китель со штанами, берцы с портянками и переоделся в шорты, футболку и сланцы, и, под аплодисменты Сергея, с огромным наслаждением выкинул берцы в мусорку. Приехав на вокзал, мы закупились едой и водой в дорогу, пообщались с Серегой и, попрощавшись, прыгнули в поезд, который вез нас домой.

Поезд

В поезде выпил я всего две банки пива и как-то настроение было скорее волнительное, чем радостное, очень хотелось побыстрее оказаться дома. На вокзале в Самаре мы встретили пацанов, призывавшихся с нами, но не улетавших в Таджикистан, которые удивились тому, как я похудел. По пути некоторые из них изрядно напились и имели проблемы с ментами, мы же спокойно ехали и обсуждали предстоящую встречу.

В Екатеринбург мы прибыли очень вовремя, ведь всего через час в Пермь отправлялась электричка, на которую мы, к счастью, успели купить билеты. Последние шесть часов прошли в ёрзанье на стуле и судорожном курении в туалете в окно. Видя знакомые пейзажи, приближающегося родного города, я, наконец, ощутил большую радость и волнение, ведь я не видел родных и друзей целую вечность.

Встреча

Поезд медленно останавливался, в окно я увидел встречающих меня родителей, друзей, родных. Потихоньку отправился к выходу. Вышел из вагона последним, специально оттягивая удовольствие и попал в круг близких. Ура, я дома! Мама плакала, глядя на то, как я похудел, друзья удивлялись. Переодевшись в нормальную одежду мы отправились праздновать, чтобы на следующее утро я проснулся у Тани с Вадимом в маленькой комнате на матрасе и, открыв глаза, некоторое время не мог сообразить, где я. А поняв, счастливо улыбнулся. Придя домой, я впервые за

год смог нормально, в одиночестве, принять горячий душ, помыть голову хорошим шампунем и вытереться не казённым полотенцем.

Послесловие

Жизнь пошла своим чередом, оставив от армии изменившийся характер, воспоминания, жетон пехотинца на шее, который потом потерялся и два значка: знак гвардейца и знак бойца 201 военной базы РФ в Таджикистане.

В июле мне позвонил на домашний Костя, рассказав, что его отправили дослуживать в Екатеринбург. Он также спокойно вернулся в Красноярск и вернул себе утраченную в армии физическую форму. В Куляб после нашего отъезда сразу пригнали много молодых, и служить стало гораздо комфортнее.

На полигоне в Оренбурге после моего отъезда произошел большой взрыв, пострадало множество домов и несколько человек. В Таджикистане через границу с Афганом начали прорываться боевики и местные силы вели с ними бои. Я вовремя покинул, что одно место, что другое.

Уезжая служить по знакомству в Самарскую часть, провел я в ней в сумме всего около двух месяцев, а остальное время служил, где попало.

Придя в военкомат, увидел мужика, который предположил, что я к ним, служить, на что я с усмешкой ответил, что нет, спасибо, я уже у вас был, достаточно. При получении военника меня долго уговаривали на контрактную службу, а я смотрел на них, как на идиотов. А еще пытались записать мне в армейскую должность – "дезинфектора", на что я говорил - "Какой я вам нафиг после Таджикистана дезинфектор". В итоге поставили "старшего стрелка".

Был инцидент в клубе, когда мы с незнакомым пацаном не поделили очередь и уже готовы были выйти на улицу, а потом он заметил жетон, болтающийся у меня на шее, и оказалось, что он только вернулся и служил в разведке. После чего ссора тут же была забыта и продолжена дружеским общением.

Ну а дальше – работа, женитьба, сын. Все, как и должно быть.

И только периодические кошмары ночью, когда мне снится, что меня призвали еще раз, и я не могу понять за что.

Но утром я просыпаюсь, думаю – "это был всего лишь сон" и все становится хорошо.

Пермь. Июль 2015 г.